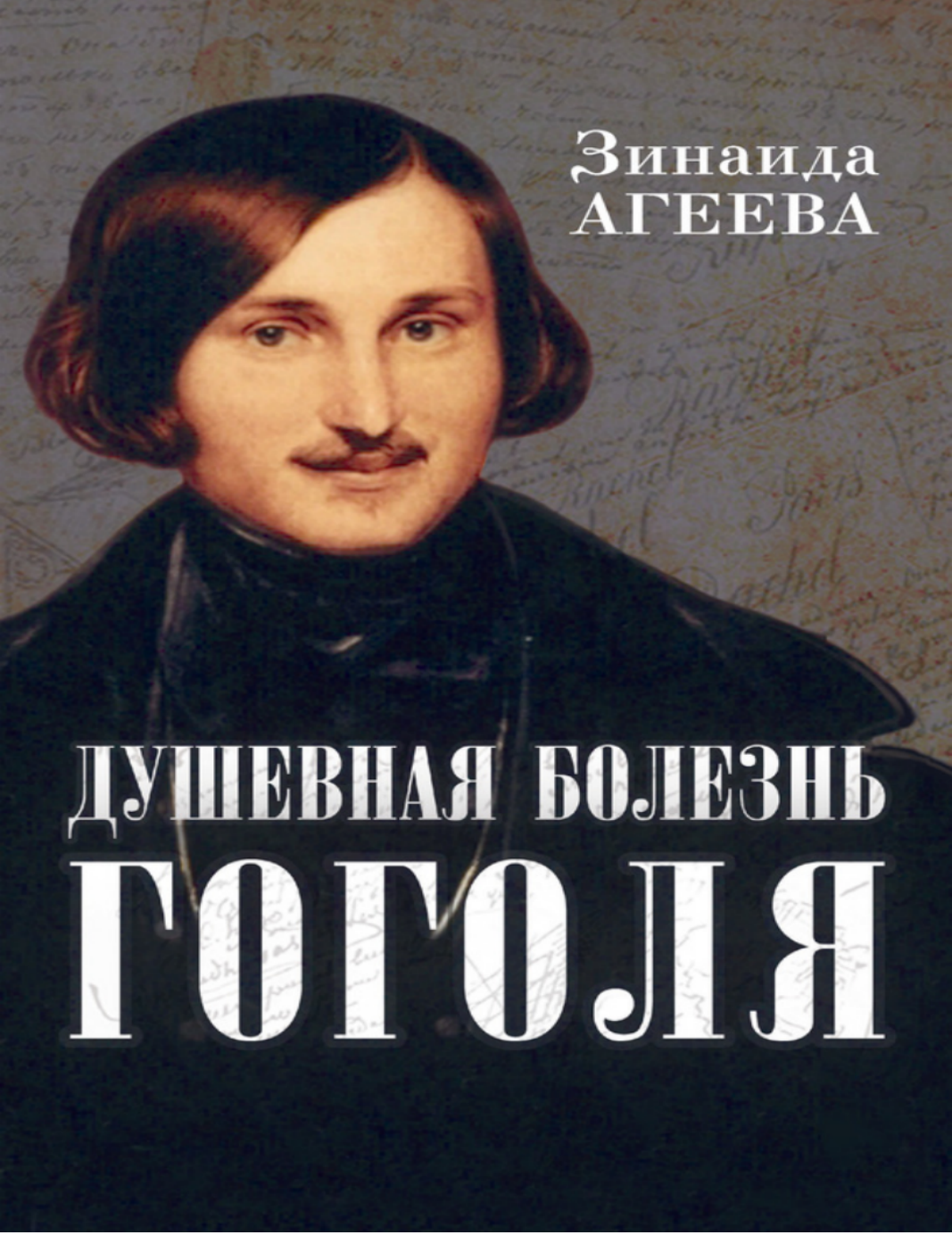

Зинаида
АГЕЕВА
ДУШЕВНАЯ БОЛЕЗНЬ
ГОГОЛЯ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Книга повествует о тяжелом душевном недуге гениального русского писателя Николая Васильевича Гоголя, сопровождавшего его до конца дней, оказавшего влияние на его творчество и ставшего причиной его гибели. Книга написана в жанре патографии, когда всестороннее исследование творческой личности идет через призму как нормальных, так и патологических характеристик человека.

Агеева Зинаида Михайловна – врач-психиатр, член Международной конфедерации историков медицины, член Союза писателей России, автор многих книг, среди которых: «Царь Петр и Марта Скавронская», «Император Петр Великий», «Жена Петра Великого» (Екатерина I), «Сын царевича Алексея» (Петр II), «Правительница Анна Леопольдовна и Бирон», «Доктор Кащенко», «Душевная болезнь Гоголя» (патография), «Исторические очерки», «Уроки жизни» (воспоминания психиатра), «Душевный мир Владимира Высоцкого» (патография), «Патография Сергея Есенина», «Федор Достоевский. Болезнь и творчество» и др.

- Зинаида Агеева
  -
  - Глава 1
  - Глава 2
  - Глава 3
  - Глава 4
  - Глава 5
  - Глава 6
  - Глава 7
  - Глава 8
  - Глава 9
  - Глава 10
  - Глава 11
  - Глава 12
  - Глава 13
  - Глава 14
  - Глава 15
  - Глава 16
  - Заключение
  - Юмор Гоголя
  - Список литературы
  - Фотографии
- notes

- ○ 1
- ○ 2
- ○ 3
- ○ 4
- ○ 5
- ○ 6
- ○ 7
- ○ 8
- ○ 9
- ○ 10
- ○ 11
- ○ 12
- ○ 13
- ○ 14
- ○ 15
- ○ 16
- ○ 17
- ○ 18
- ○ 19
- ○ 20
- ○ 21
- ○ 22
- ○ 23
- ○ 24
- ○ 25
- ○ 26
- ○ 27
- ○ 28
- ○ 29
- ○ 30
- ○ 31
- ○ 32
- ○ 33
- ○ 34
- ○ 35
- ○ 36
- ○ 37
- ○ 38
- ○ 39
- ○ 40
- ○ 41
- ○ 42
- ○ 43

Зинаида Агеева
Душевная болезнь Гоголя

Издание второе, дополненное и исправленное

© Агеева З. М., 2016
© ООО «ТД Алгоритм», 2016

* * *

Глава 1
Гениальность

Итальянский психиатр Цезарь Ломброзо (в материалах XIX и первой половины XX веков фигурирует как Чезаре Ломброзо) (1835–1909) в своей книге «Гениальность и помешательство» писал: «Гениальность в отличие от талантливости является чем-то бессознательным и проявляется совершенно неожиданно»[1].

Отечественные авторы книги «Экспедиция в гениальность» (1999), известные в медицинском мире ученые, высказали свой взгляд на эту актуальную и пока еще недостаточно изученную проблему: «Современная наука располагает обширными сведениями, позволяющими сделать вывод, что психопатологическая отягощенность ближайших предков и родственников гениев – явление почти закономерное… Проявление гениальности – результат обязательного скрещивания таких биологических родовых линий, из которых одна линия предков является носителем потенциальной одаренности, другая же линия включает элементы психической аномальности… Биогенетическая необходимость присутствия этих двух компонентов для выявления гениальной одаренности является настолько значимым условием, что приобретает характер биогенетического закона. Вне рамок этого закона не может быть выявлен гений, выдающийся талант или великий человек вообще»[2].

В новой «Большой энциклопедии» приводится такое определение гениальности: «Это высшая степень развития способностей, но никаких признаков или набора свойств, по которым можно определить гениальность, нет». По другим данным, «гениальность – это творческий процесс, позволяющий производить то, чего не могут достичь другие». Ломброзо одной из причин гениальности считал наследственность, а творческий процесс – «уклонением от нормы». Он писал: «Гениальность и помешательство не зависят от воспитания, но влияет наследственность… Творчество, в самом высоком понимании, есть продукт болезни»[3].

Влияние недугов на творчество человека европейский психиатр Пауль Юлиус Мёбиус назвал «патографией». Он считал, что отклонение от нормального умственного развития не является свойством только душевнобольных людей. «Мы должны отбросить мысль о том, что человек может быть только нормальным или только сумасшедшим. Это миф или клише… В

какой-то степени патология есть у каждого», – утверждал он.

Автор книги «Классики и психиатры» (2008) И. Сироткина пишет: «Патографии служили той трибуной, с которой медики высказывали свои взгляды на литературу и общество». В нашей стране первая патография, посвященная описанию душевного состояния Ивана Грозного, была написана в конце XIX века профессором Харьковского университета психиатром П. И. Ковалевским (1849–1923).

В истории человечества немало гениальных имен, среди которых видное место занимает великий русский писатель Николай Васильевич Гоголь (1809–1852). Уникальность этой личности состоит в том, что, страдая тяжелым душевным недугом, он создал шедевры литературного искусства и до конца жизни сохранял высокий интеллектуальный потенциал.

Изучением патографии Гоголя занимались многие исследователи, в их числе были русские профессора-психиатры – Николай Николаевич Баженов (1857–1923), написавший патографическое исследование о Гоголе в 1902 году, и его современник Владимир Федорович Чиж (1855–1922), издавший патографию Гоголя на год позже (1903). Оба они пытались разобраться в причине необыкновенной гениальности Гоголя, который превзошел в своем творчестве многих современных ему писателей. Профессор Чиж, изучив многие документы о его жизни и творчестве, о болезненных приступах, пришел к следующему выводу, который разделяют многие исследователи: «Гениальность – это случайное непонятное нам уклонение. Гениальность Гоголя приходится объяснять болезнью. Она не была унаследована от родителей, он родился в обычной семье. Ни среда, ни характер родителей, ни воспитание, ни что, кроме болезни, не может объяснить удивительных способностей Гоголя»[4].

Сам Гоголь в одном из писем к М. П. Погодину (русский историк) в 1840 году писал: «Тот, кто создан творить в глубине души, жить и дышать своими творениями, тот должен быть странен во многом». Патологические процессы, происходящие в головном мозгу душевнобольного человека, по мнению многих исследователей, могут оказывать не только угнетающее влияние на его работу и на движение мысли, но и стимулирующее. Многие «озарения» возникали у гениальных людей во время приступов душевной болезни, как это ни покажется парадоксальным. По мнению авторов «Экспедиции в гениальность», «эффект гения во многом еще остается загадкой природы»[5].

Врожденные выдающиеся способности человека несомненно

играют колоссальную роль для создания гениальных творений, но без приложения труда достичь их полного совершенства было бы невозможно. Гоголь, как известно, был великим тружеником. Чтобы придать законченный вид своим произведениям и сделать их классическими, он переделывал их много раз, без жалости уничтожая слабонаписанное. Все его произведения, как и творения других великих гениев, были созданы невероятным трудом и напряжением всех душевных сил. Известный русский писатель Сергей Тимофеевич Аксаков одной из причин болезни и трагической гибели Гоголя считал его «необъятную творческую деятельность».

Глава 2
Наследственность

В развитии душевного заболевания Гоголя немаловажную роль сыграла наследственность. По воспоминаниям родных и близких, дед и бабка по линии матери Гоголя были суеверны, религиозны, верили в приметы и предсказания. Тетка по линии матери (воспоминания младшей сестры Гоголя Ольги) была «со странностями»: шесть недель смазывала голову сальной свечой, чтобы «предотвратить поседение волос», была крайне нерасторопной и медлительной, подолгу одевалась, к столу всегда опаздывала, «приходила только ко второму блюду», «сидя за столом, гримасничала», пообедав, «просила дать ей кусок хлеба»[6].

Один из племянников Гоголя (сын сестры Марии), оставшись круглым сиротой в 13 лет (после смерти отца в 1840 году и матери в 1844 году), в дальнейшем, по воспоминаниям родных, «помешался в уме» и покончил жизнь самоубийством. Младшая сестра Гоголя Ольга в детстве плохо развивалась. До 5 лет плохо ходила, «держалась за стенку», отличалась плохой памятью, с трудом усваивала иностранные языки. В зрелом возрасте стала религиозной, боялась умереть, ежедневно посещала церковь, где подолгу молилась. Другая сестра (по воспоминаниям Ольги) «любила фантазировать»: среди ночи будила горничных, выводила в сад и заставляла их петь и плясать.

Отец писателя Василий Афанасьевич Гоголь-Яновский (1778, по некоторым данным 1777–1825) был крайне пунктуален, педантичен. Имел литературные способности, писал стихи, рассказы, комедии, обладал чувством юмора. А. Н. Анненский писал о нем: «Отец Гоголя необыкновенно остроумный, неистощимый балагур и рассказчик. Написал комедию для домашнего театра своего дальнего родственника Дмитрия Прокофьевича Трощинского (отставной министр юстиции), и тот оценил его оригинальный ум и дар слова»[7].

А. Н. Анненский полагал, что Гоголь «от отца унаследовал юмор, любовь к искусству и театру»[8]. В то же время Василий Афанасьевич был мнительным, «искал у себя разные болезни», верил в чудеса и предначертания судьбы. Женитьба его носила странный, похожий на мистику характер. Свою будущую жену увидел во сне в 14-летнем возрасте. Ему приснился странный, но довольно яркий сон, запечатлевшийся на всю жизнь. У алтаря одной церкви Пресвятая Богородица показала ему девочку в

белых одеждах и сказала, что это его суженая. Проснувшись, он в тот же день поехал к своим знакомым Косяровским и увидел их дочь, очень красивую годовалую девочку Машу, копию той, которая лежала у алтаря. С тех пор он нарек ее своей невестой и ждал много лет, чтобы жениться на ней. Не дождавшись ее совершеннолетия, сделал предложение, когда ей минуло только 14 лет. Брак оказался счастливым. Супруги в течение 20 лет, до самой смерти Василия Афанасьевича от чахотки в 1825 году, ни одного дня не могли обходиться друг без друга.

Мать Гоголя – Мария Ивановна, в девичестве Косяровская, (1791–1868), имела неуравновешенный характер, легко впадала в отчаяние. Периодически отмечались резкие смены настроения. По В. М. Шенроку (историк), она была впечатлительной и недоверчивой, «ее подозрительность доходила до крайних пределов и достигала почти болезненного состояния»[9]. Настроение нередко менялось безо всякой видимой причины: из оживленной, веселой и общительной вдруг становилась молчаливой, замыкалась в себе, «впадала в странную задумчивость», по несколько часов сидела, не меняя позы, глядя в одну точку, не реагируя на обращения.

По воспоминаниям родственников, Мария Ивановна в быту была непрактичной, покупала у разносчиков ненужные вещи, которые приходилось возвращать, бралась легкомысленно за рискованные предприятия, не умела соразмерять доходы с расходами. О себе она позже писала: «Характер у меня и у мужа веселый, но иногда на меня находили мрачные мысли, я предчувствовала несчастья, верила снам»[10]. Ее непрактичность, возможно, была связана с тем, что замуж вышла очень рано, в 14 лет, и вести домашнее хозяйство еще не научилась.

Семья была многодетной. У супругов родилось 12 детей. Но первые дети появлялись на свет мертворожденными или умирали вскоре после рождения. Отчаявшись родить здорового и жизнеспособного ребенка, она обращается к святым отцам и к молитве. Вместе с мужем едет в Сорочинцы к знаменитому доктору Трофимовскому, посещает храм, где перед иконой святого Николая Угодника просит послать ей сына и клянется назвать ребенка Николаем. В тот же год в метрической ведомости Спасо-Преображенской церкви появилась запись: «В местечке Сорочинцы месяца марта, 20-го числа (сам Гоголь отмечал день рождения 19 марта) у помещика Василия Афанасьевича Гоголя-Яновского родился сын Николай. Восприемник Михаил Трофимовский».

С первых же дней своего появления на свет Никоша (так называла его мать) стал самым обожаемым существом в семье

даже после того, как через год родился второй сын Иван, а затем последовательно несколько дочерей. Никошу она считала посланным ей Богом и прочила ему великое будущее. Всем говорила, что он гениален, разубеждению не поддавалась. Когда он был еще в юношеском возрасте, она стала приписывать ему открытие железной дороги, паровой машины, авторство литературных произведений, написанных другими лицами, чем вызывала его негодование. После неожиданной смерти мужа в 1825 году стала вести себя неадекватно, разговаривала с ним, как с живым, требовала выкопать для нее могилу и положить ее рядом. Потом впала в оцепенение: перестала отвечать на вопросы, сидела, не шевелясь, глядя в одну точку. Отказывалась принимать пищу, при попытке накормить резко сопротивлялась, стискивала зубы, бульон вливали в рот насильно. Такое состояние продолжалось 2 недели.

Сам Гоголь считал ее не совсем здоровой психически. 12 августа 1839 года он писал из Рима сестре Анне Васильевне: «Слава богу, наша маменька теперь стала здоровой, я имею в виду ее душевную болезнь». В то же время она отличалась добросердечностью и мягкостью, была гостеприимной, в ее доме всегда было много гостей. Анненский писал, что Гоголь «от матери унаследовал религиозное чувство и стремление приносить людям пользу»[11]. Умерла Мария Ивановна в возрасте 77 лет скоропостижно от инсульта, пережив сына Николая на 16 лет.

На основании сведений о наследственности можно предположить, что на развитие душевных недугов Гоголя оказала частичное влияние психическая неуравновешенность матери, а литературное дарование он унаследовал от отца.

Глава 3
Детские страхи

Детство Гоголя прошло в селе Васильевка (Яновщина) Миргородского уезда Полтавской губернии, недалеко от исторических памятников-имений Кочубея и Мазепы и места знаменитой Полтавской баталии. Никоша рос болезненным, худеньким, физически слабым, «золотушным». На теле часто появлялись нарывы и высыпания, на лице – красные пятна, слезились глаза. По словам сестры Ольги, его постоянно лечили травами, мазями, примочками, разными народными средствами. Тщательно оберегали от простуды.

Первые признаки душевного расстройства в виде детских страхов были замечены в 5-летнем возрасте в 1814 году. Рассказ о них самого Гоголя был записан его приятельницей Александрой Осиповной Смирновой-Россет: «Мне было лет пять. Я сидел один в одной из комнат в Васильевке. Отец и мать ушли. Со мной осталась одна старуха няня и та куда-то отлучилась. Спустились сумерки. Я прижался к углу дивана и среди полной тишины прислушивался к стуку длинного маятника старинных стенных часов. В ушах шумело. Что-то надвигалось и уходило куда-то. Мне казалось, что стук маятника был стуком времени, уходящего в вечность.

Вдруг слабое мяуканье кошки нарушило тяготивший меня покой. Я видел, как она, мяукая, осторожно кралась ко мне. Я никогда не забуду, как она шла, потягиваясь, ко мне и мягкие лапы слабо постукивали о половицы когтями, а зеленые глаза искрились недобрым светом. Мне было жутко. Я вскарабкался на диван и прижался к стенке. «Киса, киса», – позвал я, желая приободрить себя. Я соскочил с дивана, схватил кошку, легко отдавшуюся мне в руки, побежал в сад, где бросил ее в пруд и несколько раз, когда она хотела выплыть и выбраться на берег, отталкивал ее шестом. Мне было страшно, я дрожал и в то же время чувствовал какое-то удовлетворение, может быть, это была месть за то, что она меня испугала. Но когда она утонула и последние круги на воде разбежались, водворились полный покой и тишина, мне вдруг стало ужасно жалко кошку. Я почувствовал угрызение совести, мне показалось, что я утопил человека. Я страшно плакал и успокоился только тогда, когда отец высек меня»[12].

По описанию биографа П. А. Кулиша, Гоголь в том же 5-летнем возрасте, гуляя в саду, услышал голоса, видимо,

устрашающего характера. Он дрожал, пугливо озирался, на лице было выражение ужаса[13]. Эти первые признаки душевного расстройства родные расценили как повышенную впечатлительность и особенность детского возраста. Им не придали особого значения, хотя мать стала его оберегать еще тщательнее и уделять внимания больше, чем другим детям. По определению многих авторов, страх не всегда имеет «определенное содержание и наступает в виде неясного чувства надвигающейся катастрофы».

Николай Васильевич Гоголь-Яновский по развитию не отличался от своих сверстников, кроме того, что в 3 года выучил алфавит и стал писать мелом буквы. Обучался грамоте одним семинаристом сначала дома вместе со своим младшим братом Иваном, а затем один академический год (1818–1819) в Высшем отделении 1-го класса Полтавского поветового училища. В возрасте 10 лет перенес тяжелое душевное потрясение: во время летних каникул в 1819 году заболел 9-летний брат Иван и через несколько дней скончался. Никоша, который был очень дружен с братом, долго рыдал, стоя на коленях у его могилы. Домой был приведен после уговоров. Это семейное несчастье оставило глубокий след в душе ребенка. Позже, будучи гимназистом, он часто вспоминал брата, написал балладу «Две рыбки» о своей дружбе с ним.

По воспоминаниям самого Гоголя, он в детстве «отличался повышенной впечатлительностью». Мать часто рассказывала о леших, демонах, о загробной жизни, о страшном суде для грешников, о благах для людей добродетельных и праведных. Воображение ребенка живо рисовало картину ада, в котором «терзались муками грешники», и картину рая, где пребывали в блаженстве и довольстве праведные люди.

Позже Гоголь писал: «Она так страшно описывала вечные муки грешников, что это потрясло меня и разбудило самые высокие мысли». Несомненно, эти рассказы повлияли на появление детских страхов и тягостных кошмарных представлений. В этом же возрасте у него периодически стали появляться приступы заторможенности, когда он переставал отвечать на вопросы, сидел неподвижно, глядя в одну точку. В связи с этим мать стала чаще выражать беспокойство о его нервно-психическом здоровье.

Литературный талант Гоголя впервые заметил литератор В. В. Капнист. Будучи в гостях у родителей Гоголя и прослушав стихи 5-летнего Никоши, он заявил, что «из него будет большой талант».

Глава 4
Нравственные испытания

В мае 1821 года 12-летний Николай Гоголь-Яновский был определен в первый класс Нежинской гимназии высших наук, для прохождения 7-летнего курса обучения. Это престижное учебное заведение было предназначено для мальчиков из состоятельных семей (аристократов и дворян). Условия для проживания были неплохие. Каждый из 50 воспитанников имел отдельную комнату. Многие находились на полном пансионном обеспечении.

Пребывание учеников отличалось свободой: после занятий они могли заниматься своим любимым делом – рисованием, спортом, играми, чтением. Директор гимназии Иван Семенович Орлай – образованный, культурный, интеллигентный человек, считал, что это способствует развитию самостоятельности воспитанников.

Гоголь по прибытии в гимназию сразу же произвел на учеников неприятное впечатление своей некрасивой внешностью. Один из воспитанников гимназии, в будущем поэт И. В. Любич-Романович (1805–1888) позже писал: «Родные привезли в школу Гоголя и обращались с ним нежно и жалостливо, точно с ребенком, страдавшим тяжелой неизлечимой болезнью. Он был так закутан в свитки, шубы, одеяла, ну просто закупорен. Когда стали раздевать, то долго не могли докопаться до тщедушного, крайне некрасивого и обезображенного золотухой мальчика. Мы чуть не всей гимназией вышли смотреть на него. Глаза его были обрамлены красным золотушным ободком. Щеки и нос покрыты красными пятнами, а из ушей вытекала каплями материя. Поэтому уши были завязаны пестрым платком, придававшим его дряблой фигуре потешный вид»[14].

Некрасивого, худенького подростка, «золотушного», с длинным острым носом, который был каким-то диссонансом по отношению к мелким чертам лица, гимназисты сделали объектом своих насмешек. Они с явным удовольствием потешались над ним, всячески третировали, толкали, дергали за длинные волосы, которые он из-за этого пытался сбрить.

Первый учебный (1821–1822) год был самым мрачным периодом гимназической жизни Гоголя. Он был годом его душевных страданий и его унижений со стороны гимназистов. О поведении Гоголя и об издевательствах над ним гимназистов Любич-Романович писал в своих воспоминаниях: «Гоголь постоянно косился на нас, держался в стороне, смотрел букой.

Наши насмешки над ним усугублялись тем, что он держался каким-то демократом среди нас, детей аристократов. Он редко мыл лицо и руки, ходил в грязном платье. В карманах брюк его постоянно находился запас всяких сладостей – конфет и пряников. Он жевал их, не переставая, даже во время занятий. Чтобы занять местечко, где бы его никто не видел, он приходил в аудиторию первым и садился в задних рядах, так же и уходил из класса, чтобы не подлежать осмеянию. Кто бы мог перенести столько насмешек, сколько переносил от нас Гоголь. Его растрепанная голова вызывала у нас общую насмешку. Мы брезговали подавать ему руку при встрече. Мы перестали брать в библиотеке книги, которые он держал в своих руках, боясь заразиться нечистью. Он вечно оставался один. Жизнь Гоголя в гимназии была для него адом. Он служил объектом забав, острот и насмешек, и это тянулось до тех пор, пока он пребывал в нашей среде. Мы не только не подозревали в нем великого, но даже не видели малого»[15].

То же самое отмечал и А. Н. Анненский: «В гимназии он дичился новых товарищей. Был жертвой насмешек и разных проделок. Настоящих друзей не было»[16]. Дети аристократов, самоуверенные и претенциозные, не принимали его в свой круг, не допускали к своим играм. Они дали ему прозвище «пигалица». Старались спровоцировать на какие-нибудь экстравагантные поступки, чтобы повеселиться. Их злые шутки ежедневно сыпались на беззащитного подростка. Постоянные насмешки и гонения способствовали заострению наследственных черт его личности, а в дальнейшем – углублению его душевного недуга. Издевательства над Гоголем были дешевым и легкодоступным способом развлечения, за который не нужно было платить, за него расплачивался 12-летний мальчик своим душевным потрясением.

Эти «развлечения» глубоко и непоправимо ранили чувствительное сердце Гоголя. «По ночам он горько и безнадежно плакал навзрыд в своей комнате», – писал позже С. Н. Дурилин[17]. И не было никого рядом, кто бы мог облегчить его страдания, кроме малограмотного крепостного слуги. Сидя ночью у постели рыдающего ребенка, он успокаивал его, как умел. Так в одиночестве Гоголь постигал «щедрую» жестокость жизни и ее скупое милосердие. Он был ошеломлен таким отношением к нему гимназистов. Он понял, что, кроме мира прекрасного, мира любви и милосердия, который был в его семье, есть другой, негармоничный мир злобы и жестокости и в этом мире противоречий ему предстояло жить и мириться с ним.

До гимназии такого издевательского отношения к нему

никогда не было. Родители, особенно мать, обожали своего Никошу, оберегали от обид со стороны сверстников. У него были друзья и в Полтавской школе, и среди детей, живших по соседству, и ни одного злостного недоброжелателя. А здесь в гимназии он почувствовал себя никому не нужным отщепенцем. Маленький, физически слабый, он безропотно сносил обиды и злые шутки, не в состоянии ответить своим гонителям такой же наглостью. Он возненавидел фамилию Яновский, под которой числился в гимназии, и, даже будучи взрослым, оскорблялся, если кто-то произносил ее. Его хрупкая от рождения нервная система подвергалась тяжким нравственным испытаниям. Душа его была постоянно наполнена страданиями. И это в том возрасте, когда любое оскорбление или недоброжелательность воспринимаются крайне болезненно и обостренно.

Обычно Гоголь в одиночестве предавался отчаянию, скрывая от окружающих свое смятение, свою невысказанную боль. Как затравленный зверек, он прятался в дальнем углу сада, где облегчал свое горе слезами, с завистью наблюдая из своей засады за играми воспитанников. О чем думал тогда этот маленький изгой, можно только догадываться и судить по его письмам родителям. Несколько лет спустя, 26 июня 1827 года, будучи уже в предпоследнем классе гимназии, он написал матери о горьких моментах своей жизни в Нежине: «Уединясь совершенно, не зная, с кем слить души свои, я осиротел и сделался чужим в Нежине».

Через несколько месяцев, уже перед окончанием курса гимназии в 1828 году Гоголь снова пишет матери: «Вряд ли кто вынес столько неблагодарностей, несправедливостей, глупых и смешных притязаний и холодного презрения. Я все выносил без упрека, без роптаний. Даже хвалил виновников моего горя. Но их зло обратилось мне в добро. Уроки, которые я от них получил, останутся навеки неизгладимыми, а они верная порука моего счастья».

В этих жалобах были и оскорбленное самолюбие, и жалость к себе, и разочарование в людях, которые, тем не менее, помогли ему взглянуть на себя с другой стороны, сравнить себя с ними и почувствовать себя увереннее. Он всю жизнь с содроганием сердца вспоминал эти потехи веселившихся подростков, которые расшатывали его хрупкую нервную систему, лишали сна. Даже сильные натуры и не в таком молодом возрасте едва ли вынесли бы такие издевательства.

Одиночество и размышления с самим собой развили в нем склонность к мечтательности и фантазированию, помогли приобрести ценное качество – наблюдательность, которая стала основной чертой его натуры. Анализируя своим детским умом

поведение воспитанников – своих гонителей, он пришел к заключению, что большинство из них были ниже его по умственному развитию, но самоуверенные и амбициозные. Других качеств, которые выгодно выделяли бы их из общей массы, у них не было, хотя многие из них в дальнейшем заняли видные посты в государстве.

Свое мнение о них Гоголь первое время не высказывал. На обиды и оскорбления старался не отвечать, делая вид, что не замечает их, а своим немногочисленным друзьям он говорил, что считает себя выше оскорблений. Гимназист первого класса, гонимый своими одноклассниками, не мог знать тогда мудрую, основанную на жизненном опыте, народную пословицу: «Смеется тот, кто смеется последним».

Ему суждено было смеяться над ними последним в своих сатирических произведениях.

После летних каникул, которые провел у своих родителей в Васильевке, Гоголь вернулся в Нежин 6 сентября 1822 года физически окрепшим. Лицо очистилось от сыпи и красных пятен. Он стал спокойнее реагировать на обидные реплики гимназистов и сам стал позволять шалости. Его угнетенная душа стала пробуждаться от страданий. Но первое время тосковал по дому. Вскоре после возвращения в гимназию он пишет родителям: «Мне после каникул так грустно сделалось, что всякий божий день слезы рекой так и льются, и сам не знаю от чего, а особенно когда вспоминаю о вас. И теперь грудь так болит, что не могу много писать».

Во время учебы во втором классе у него появились друзья, с которыми в дальнейшем поддерживал дружеские и самые теплые отношения до конца своей жизни: Герасим Иванович Высоцкий, с которым вместе учился в Полтаве, Николай Яковлевич Прокопович (1810–1857), поступивший на первый курс в 1822 году (ему первому Гоголь прочитал свою балладу «Две рыбки»), Александр Семенович Данилевский (1809–1888), с которым дружил с раннего детства: имения их родителей находились рядом (не путать с Г. П. Данилевским, с которым Гоголь познакомился значительно позже). Но друзей было значительно меньше, чем обидчиков. Много друзей, облепивших его со всех сторон, появилось у него только после того, как он стал знаменитым.

В дальнейшем Гоголь научился давать отпор своим гонителям: бороться с ними их же оружием – смехом и метким словом, и это оказалось очень эффективным методом. Гимназисту Бороздину, носившему длинные волосы, дал прозвище «Расстрига Спиридон». Изобразил его на рисунке в виде монаха, которого

подстригает черт. И подписал: «Инок монастыря строптивый, расстрига, совершивший грех». Написал стихотворение, в котором первые буквы строк составляли слово «Спиридон». У другого гимназиста собрал его слабые стихи и поместил в альманах, который издавали гимназисты Кукольник и Базили, и подписал: «Парнасский навоз».

Гоголю помогал его природный юмор. Вскоре вместе с друзьями он стал издавать газету «Вперед», организовал в 1824 году с Данилевским и другими гимназистами театр. Поставленные на гимназической сцене пьесы пользовались успехом. Лучшими актерами считались Кукольник и Гоголь. Так Гоголь постепенно обретал уверенность в себе и популярность. Хотя сынки аристократов по-прежнему игнорировали его. Утешением Гоголю было только то, что их имена в будущем так и остались или малоизвестными, или совсем неизвестными обществу.

В 1825 году нервная система 16-летнего Гоголя подверглась новым тяжким испытаниям. Получив из дома сообщение о рождении сестренки Ольги, он через несколько дней узнает о скоропостижной смерти отца от чахотки. В связи с легочным кровотечением он поехал на консультацию к доктору Трофимовскому и там вскоре скончался. Смерть отца стала тяжелым ударом для Гоголя. Он был настолько потрясен этим известием, что в первую минуту у него появилась мысль о самоубийстве, но вспомнив о матери, сдержал себя. Домой написал только через несколько дней: «Я сей удар перенес с твердостью христианина. Никому не дал заметить, что я опечален, но наедине предался силе безумного отчаяния, даже пытался посягнуть на свою жизнь. Но Бог удержал меня от сего и к вечеру я приметил в себе только печаль, но не порывную, которая превратилась в легкую, едва приметную меланхолию, смешанную с чувством благоговения к Всевышнему. Благословляю тебя, священная вера, в тебе только я нахожу утешение и утоление моей горести. Так, дражайшая маменька, я теперь спокоен, хотя не могу быть счастлив, лишившись драгоценного отца. Но разве я не имею чувствительной, нежной, добродетельной матери, которая может мне заменить и друга и всего, что есть драгоценного. Так, я имею вас и еще не оставлен судьбой». Позже мать писала в своих воспоминаниях: «Он был в таком горе, что хотел броситься в окно с верхнего этажа».

Мария Ивановна осталась вдовой в 34 года с 5 детьми, из которых самому старшему Николаю только что исполнилось 16 лет, а самой младшей дочери 2 недели.

Глава 5
Загадочность натуры

Многое в жизни Гоголя было необычным, даже его появление на свет после молитвы в храме у иконы Николая Угодника. Необычным, а временами и загадочным, было его поведение в гимназии, о чем он сам писал родным: «Я почитаюсь загадкой для всех. Никто не разгадал меня окончательно».

Из-за его скрытности и загадочности гимназисты называли его «таинственный Карла», а из-за того, что он иногда во время разговора внезапно замолкал и не заканчивал начатой фразы, его стали называть «человеком мертвой мысли» («закупорка мысли», по А. В. Снежневскому, один из симптомов, характерный для шизофрении). Иногда его поведение казалось непонятным для воспитанников. И. В. Любич-Романович вспоминал: «Гоголь иногда забывал, что он человек. Бывало, то кричит козлом, ходя у себя по комнате, то поет петухом среди ночи, то хрюкает свиньей». На недоумение гимназистов обычно отвечал: «Я предпочитаю быть в обществе свиней, чем людей».

Гоголь часто ходил с опущенной головой. По воспоминаниям Любича-Романовича, он «производил впечатление человека глубоко занятого чем-то, или суровым субъектом, пренебрегающим всеми людьми. Наше поведение он считал кичливостью аристократов и знать нас не хотел»[18].

Непонятным для них было и его отношение к оскорбительным выпадам в его адрес. Он игнорировал их, заявляя: «Я не считаю себя заслуживающим оскорблений и не принимаю их на себя». Это злило его гонителей, и они продолжали изощряться в своих злых шутках и издевательствах. Однажды прислали к нему депутацию, которая торжественно вручила ему в качестве подарка огромный медовый пряник. Он швырнул его в лицо депутатам, ушел из класса и не появлялся две недели.

Загадкой был и его редкий талант, превращение заурядного человека в гения. Не было это загадкой только для его матери, которая чуть ли ни с раннего детства считала его гением. Загадкой была его одинокая скитальческая жизнь в разных странах и городах. Загадкой было и движение его души, то наполненной радостным восторженным восприятием мира, то погруженной в глубокую и мрачную тоску, которую он называл «хандрой». Позже один из воспитателей Нежинской гимназии, он же преподаватель французского языка, писал о загадочности

превращения Гоголя в гениального писателя: «Он был очень ленив. Пренебрегал изучением языков, особенно по моему предмету. Он всех передразнивал и копировал, клеймил прозвищами. Но характера был доброго и делал это не из желания кого-либо обидеть, а так, по страсти. Любил рисование и литературу. Но было бы слишком смешным думать, что Гоголь-Яновский будет знаменитым писателем Гоголем. Странно, право странно»[19].

Впечатление загадочности Гоголя придавала его скрытность. Позже он вспоминал: «Я никому не поверял свои тайные помышления, не делал ничего, что могло выявить глубь моей души. Да и кому и для чего высказал бы себя, чтобы посмеялись над моим сумасбродством, чтобы считали пылким мечтателем и пустым человеком». Будучи взрослым и самостоятельным человеком, Гоголь писал профессору С. П. Шевыреву (историк): «Скрытен я из боязни напустить целые облака недоразумений».

Но особенно странным и непонятным показался случай неадекватного поведения Гоголя, взбудоражившего всю гимназию. В этот день Гоголя хотели наказать за то, что во время богослужения, не слушая молитвы, разрисовывал какую-то картину. Увидев вызванного к нему экзекутора, Гоголь так пронзительно вскрикнул, что напугал всех. Воспитанник гимназии Т. Г. Пащенко так описал этот эпизод: «Вдруг сделалась страшная тревога во всех отделениях: “Гоголь взбесился”! Сбежались мы и видим: лицо у Гоголя страшно исказилось, глаза сверкали диким блеском, волосы натопорщились, скрегочет зубами, изо рта идет пена, бьет мебель, падает на пол и бьется. Прибежал Орлай (директор), осторожно дотронулся до плеч. Гоголь схватил стул и замахнулся. Четыре служителя схватили его и отвели в особое отделение местной больницы, где находился два месяца, отлично разыгрывая роль бешеного»[20].

По данным других воспитанников – в больнице Гоголь лежал только две недели. Посещавшие его гимназисты не верили, что это был приступ болезни. Один из них писал: «Гоголь до того искусно притворился, что убедил всех в своем помешательстве». Это была реакция его протеста, выразившаяся в бурном психомоторном возбуждении. Она напоминала кататоническое возбуждение с истерическими компонентами (сведения о пребывании его в больнице и заключение врачей в доступных источниках отыскать не удалось). После его возвращения из больницы гимназисты с опаской посматривали на него, обходили стороной.

Гоголь не особенно следил за своей внешностью. В юности был небрежен в одежде. Воспитатель П. А. Арсеньев писал:

«Наружность Гоголя непривлекательна. Кто бы мог подумать, что под этой некрасивой оболочкой кроется личность гениального писателя, которым гордится Россия»[21]. Непонятным и загадочным для многих осталось его поведение, когда в 1839 году 30-летний Гоголь сутками просиживал у постели умирающего юноши Иосифа Виельгорского. Он писал своей бывшей ученице Балабиной: «Я живу его умирающими днями. От него несет запахом могилы. Мне шепчет глухо внятный голос, что это на короткий срок. Мне сладко сидеть возле него и глядеть на него. С какой радостью я принял бы на себя его болезнь, если бы это помогло возвратить ему здоровье». М. П. Погодину Гоголь писал, что сидит день и ночь у постели Виельгорского и «не чувствует усталости». Некоторые даже заподозрили Гоголя в гомосексуализме. До конца своих дней Гоголь оставался для многих его друзей и знакомых и даже для исследователей его творчества необычной и загадочной личностью.

Глава 6
Негативизм

Негативизмом в психиатрии называют активное или пассивное сопротивление любому вмешательству извне. По определению академика А. В. Снежневского – «негативизм – это бессмысленное противодействие, выражающееся в сопротивлении больного всем предложениям и заданиям» (Справочник психиатра, 1969, с. 342).

В гимназии воспитанники заметили, что Гоголь, начиная с первого класса, «проявлял упрямство». Со слов гимназистов, он «шел наперекор всем стихиям». «Заставить его делать то, что делают другие, было невозможно, он все делал так, как сам хотел»[22]. В комнате мебель расставлял необычно: не у стен, а посередине, у окна или у камина, не любил симметрии. Во время прогулки шел по аллее не правой, а левой стороной, сталкиваясь с прохожими. На замечания заявлял: «Я не попугай, сам знаю, что нужно делать».

По воспоминаниям гимназистов, «у него всегда в мыслях был дух противоречия, то, что другие считали изящным, ему представлялось безобразным». Негативное отношение проявлял к гимназисту Нестору Ивановичу Кукольнику (1809–1868), которого все называли «ученым студентом». Он получил хорошее домашнее образование, был начитан, иностранную литературу предпочитал читать в подлиннике, чего не могли позволить другие гимназисты. «Он стоял выше всех нас на голову, один Гоголь, эта, можно сказать, пешка, не признавал его достоинств и называл шарлатаном», – вспоминал один из гимназистов. Это вызывало не только удивление вспитанников гимназии, но и негодование.

Один из них сделал Гоголю по этому поводу оскорбительное замечание: «Ах ты, ничтожность этакая, что ты значишь против Кукольника?» Гоголь многозначительно помалкивал, возможно, уже тогда знал себе цену. Кукольнику он дал прозвище «возвышенный».

Некоторые воспринимали поведение Гоголя как упрямство, а другие – как протест против гонений. Хотя это был один из симптомов его душевного заболевания (негативизм), находившегося пока еще в начальной стадии, который в дальнейшем принял более очерченную форму. Позже Гоголь писал по этому поводу: «У меня правило – всех выслушать, но непременно сделать по-своему». Этому правилу он остался

верным до конца жизни.

Глава 7
Зарождение идей величия

В отрочестве, будучи гимназистом, причем далеко не выдающихся способностей (по воспоминаниям друзей и преподавателей), Гоголь поставил перед собой великую цель – совершить в жизни что-то значительное. Он стал пробовать себя в рисовании: вместе со своим другом Александром Данилевским разрисовывал рукописный альманах. При этом рисунки получились очень неплохими, и он пишет своим родителям: «Я думаю, дражайшие папенька и маменька, ежели б вы меня увидели, то точно сказали, что я переменился как в наружности, так и в успехах. Ежели б вы видели, как я рисую! Я разумею в живописи, я хороший портной. Я говорю о себе без всякого самолюбия».

Гоголь охотно принимал участие в любительских спектаклях, играя роли старух или стариков, при этом убедился в своем артистическом таланте. Слыша восторженные отзывы о том, что он хорошо владеет мимикой и интонацией голоса, решил, что в будущем должен стать «знаменитым комическим артистом» и «затмить других комиков». Вдохновившись артистическими успехами, Гоголь просит отца прислать ему сценическую роль: «Будьте уверены, я ее хорошо сыграю».

Идеи величия начали зарождаться у Гоголя с третьего класса гимназии. Сначала они проявлялись в виде хвастовства о своих успехах в рисовании, в поэзии, в актерском мастерстве. Затем появились нотки превосходства перед окружающими и мысли о своей значимости. В 1827 году Алексей Петрович Стороженко (писатель) спросил Гоголя: «Охота вам писать стихи? Вы что, хотите тягаться с Пушкиным?» Гоголь ответил с достоинством: «Стихи пишут не для того, чтобы тягаться с кем-то, а потому, что душа жаждет поделиться ощущениями. А, впрочем, не робей, воробей, дерись с орлом».

В течение всего курса учебы в гимназии его не покидала мысль о том, что он должен сделать в жизни что-то необыкновенное, выдающееся, что могло бы поразить его обидчиков, чья мальчишеская дерзость угнетала его дух, и он должен заставить их не только уважать его, но и преклоняться перед ним. Эту мечту он открывал лишь самым близким людям. Он прочно заложил ее в своем сознании и поклялся реализовать ее в будущем. Иногда он представлял себя крупным ученым, затмившим своими способностями «глупых профессоров».

В одном из своих писем 18-летний Гоголь писал в 1827 году: «Я испытываю силы для поднятия труда важного, благородного на пользу отечества. Дотоле нерешительный и неуверенный, я вспыхиваю огнем гордого самосознания». Возвышенные мысли не покидали Гоголя и в последнем классе гимназии. Он пишет 17 января 1828 года своему другу Высоцкому, который к тому времени уже окончил учебу в гимназии и жил в Петербурге: «Я один. Все оставили меня, и мне до них нет дела. Как тяжко быть зарыту с созданиями низкой неизвестности в безмолвии мертвых. Ты знаешь наших нежинских, они задавили меня корой своей земности и между этими существователями я должен пресмыкаться». Еще более определенно Гоголь высказал идеи величия в письме к своему двоюродному дяде по матери Петру Петровичу Косяровскому, которому писал 3-го октября 1827 года: «Такую цель я начертал издавна: с прошлого времени, с самых лет почти непонимания я пламенел неугасимой ревностью сделать жизнь свою нужной для блага государства, принести хоть малейшую пользу. Меня тревожит мысль, что я не буду мочь, что мне преградят дорогу и не дадут возможности принести пользу. Это бросало меня в глубокое уныние, и холодный пот проскакивал на лице моем при мысли, что мне доведется погибнуть в пыли, не означив ничем своего существования. Это было бы для меня ужасно. Я перебирал в уме все должности и остановился на юстиции. Только здесь я могу быть полезен. Неправосудие – величайшее на свете несчастье, более всего разрывает мне сердце. Я поклялся ни одной минуты короткой моей жизни не утерять, не сделав блага. Исполнятся ли мои высокие начертания или неизвестность закроет их мрачной тучей своей? Эти долговременные думы я затаил в себе».

Эти же высокие помыслы Гоголь продолжает вынашивать и после окончания гимназии во время работы в Петербурге. Узнав о том, что мать приписывает ему авторство одного слабого литературного произведения, он с возмущением пишет: «Вы, маменька, приписываете мне сочинение, которое я не признаю своим. Зачем марать мое доброе имя? Вы слишком худого мнения обо мне. Я, обративший себя для благородных подвигов, пущусь писать подобные глупости и унижусь до того, чтобы описывать презренную жизнь низших тварей и таким вялым слогом!.. Я вынужден объявить автора: это Владимир Бурнашев».

Это было началом формирования идей величия, пока еще не упрочившихся в его сознании и не принявших устойчивую форму. В дальнейшем они то ускользали из его мыслей, то вновь появлялись в более ярком свете. Но одного желания и стремления к свершению великих дел недостаточно. Разве мало на земле

людей, которые стремятся к этому, но не могут достичь. Кроме жажды творчества нужен талант, и не только талант, но особое состояние психики. Известно, что Гоголь писал свои гениальные произведения в основном в моменты подъема настроения во время маниакальных приступов, а в моменты депрессии его творчество резко падало.

Во время учебы в гимназии у него не возникало мыслей о будущей литературной деятельности. «Никогда не думал, что буду сатирическим писателем, – вспоминал он, уже будучи знаменитым. – Но творческая сила уже шевелилась во мне».

Идеи об особом предназначении сохранялись у Гоголя и в зрелом возрасте. В 1835 году историку М. П. Погодину он писал: «Уже не детские мысли, но высокие, исполненные истины и ужасающего величия, волнуют меня. Мир вам, мои небесные гости, наводившие на меня божественные минуты». Гоголь считал, что его творчеством управляет «провидение»: «Незримая рука писала передо мной могущественным жезлом».

Мечты Гоголя-гимназиста о будущем поприще и о славе были туманны, неопределенны, но было непреодолимое и непоколебимое желание сделать что-то очень великое в жизни. Даже став известным писателем, он продолжал мечтать о чем-то еще более высоком и выдающемся. «Клянусь, я что-то сделаю, чего не сделает обыкновенный человек. Львиную силу чувствую в душе своей».

В 1839 году Гоголь пишет П. А. Плетневу (друг Гоголя и Пушкина, инспектор в Патриотическом институте): «Во мне поселился дух пророчества. Властью высшей облечено мое слово». Профессор-психиатр В. Ф. Чиж считал, что «идеи величия, зачатые в юности, окончательно сформировались в 1841 году»[23].

Будучи в Риме, в том же году Гоголь писал своему другу, известному писателю С. Т. Аксакову: «Труд мой велик, мой подвиг спасителен. Я умер теперь для всего мелочного». Идеи величия поддерживались в его сознании почти всеобщим восхвалением его творчества и преклонением перед его талантом.

Глава 8
Поиск призвания

В 1828 году Гоголь окончил гимназию, получив самый низший чин 14 класса. После отдыха у матери в Васильевке, в декабре 1828 года он выехал в Петербург со своим другом Александром Данилевским. На руках у него были рекомендательные письма к высокопоставленным лицам от родственника его матери, бывшего министра юстиции Дмитрия Прокофьевича Трощинского, чем мать гордилась и всем говорила: «Мой сын едет в столицу не как бесприютный сирота, а как родственник немаловажного человека».

Гоголь ехал в Петербург с надеждой и оптимизмом. Своему дяде, Петру Косяровскому, он писал: «Ежели для постоянного приобретения знаний не буду иметь способов, могу прибегнуть к другому. Я знаю кое-какие ремесла. Вы еще не знаете моих достоинств».

Перед отъездом в Петербург Гоголь был оживлен, настроение было приподнятым от одной мысли, что едет в столицу, где императорский двор, где блестящее общество, где Пушкин, одно имя которого создавало в его душе радостное настроение. Он рассчитывал, что сможет проявить свои способности и осуществить свою мечту, «сделать что-то еще неизвестное миру».

Гоголь еще не имел определенной цели перед собой, а были одни туманные мечты, не имевшие конкретных очертаний. С Петербургом он связывал свое будущее, которое представлялось ему лучезарным. Но реальность оказалась не такой радужной, как он себе представлял. Найти подходящую работу оказалось непросто. Он носил целый месяц в кармане рекомендации, но не сумел воспользоваться ими, то ли в силу своей нерешительности, то ли по другой причине. Истратив взятые из дома средства, он нуждался, питался впроголодь, на всем экономил. Мечты о жизни в квартире «с видом на Неву» быстро растаяли. К тому же вскоре после прибытия в Петербург у него начался приступ депрессии, спровоцированный, возможно, хлопотами, связанными с переездом и поисками работы.

Он пишет матери: «На меня напала хандра. Уже около недели сижу, поджавши руки, и ничего не делаю. Не от неудач ли, которые меня обравнодушили. Петербург показался мне не таким, каким я его себе представлял. Съестные припасы недешевы. Иметь один раз в день щи и кашу дороже, нежели я думал».

Через две недели «хандра» отступила, но его постигло новое жизненное потрясение. В «Северной пчеле» появилось сообщение: «26 февраля 1829 года скончался в Полтавской губернии Миргородского уезда в селе Кибинцы действительный тайный советник разных орденов кавалер Дмитрий Прокофьевич Трощинский на 76 году жизни». Для Гоголя это была тяжелая потеря. Он лишился покровителя, который оказывал ему нравственную и материальную поддержку. Но вскоре эту миссию взял на себя племянник Трощинского – Андрей Андреевич, получивший по завещанию большое состояние.

Гоголь, не надеясь на протекцию, начал сам поиск работы. Уверенный в своих артистических способностях, он отправился к директору Императорских театров с прошением взять артистом на драматические роли.

– Для этого талант нужен, – заявил директор.

– А может, у меня есть какой-нибудь талант. Я чувствую призвание к театру.

Для определения артистических способностей Гоголя его направили к инспектору Храповицкому, известному своей взыскательностью и придирчивостью. Но на него сам внешний вид Гоголя произвел неприятное впечатление: худой, бледный, некрасивый, в поношенном костюме, одна щека подвязана черным платком. По его требованию Гоголь по тетрадке начал читать, запинаясь, монолог о Дмитрии Донском. Чтение произвело на инспектора невыгодное впечатление.

В тот же день Храповицкий написал о нем такой отзыв: «Присланный на испытание Гоголь-Яновский оказался совершенно неспособным не только к трагедии или драме, но даже к комедии. Не имеет понятия о декламации. Даже по тетради читал плохо и невнятно. И фигура его совершенно неприлична для сцены, его можно употребить разве на выход (подавать письма и салфетки)».

Поняв, какое впечатление он произвел на инспектора, Гоголь за ответом не пришел. Он решил попробовать себя на литературном поприще, о котором раньше никогда не мечтал. Он издал за свой счет поэму «Ганц Кюхельгартен» под псевдонимом В. Алов и разнес по книжным лавкам. Две книги направил на рецензию и стал ждать результата. Заключение рецензентов о книге было отрицательным. Один из них писал: «В книге много несообразностей, картины часто так чудовищны и авторская смелость в слоге так безотчетлива, что свет ничего бы не потерял, если б она залежалась под спудом. Не лучше ль от сочинителя дождаться чего-то более зрелого». Книга не раскупалась: никто ею не интересовался. Гоголь со своим слугой Якимом взял из лавок

все ее экземпляры и сжег.

Но эта первая неудача не охладила Гоголя. Узнав, что в Петербурге публика интересуется малороссийскими сюжетами, он просит мать прислать описание празднеств, свадеб, нравов, обычаев, национальной одежды, пословицы, поговорки, забавные анекдоты и разные случаи из жизни.

В Петербурге в эти годы образовался кружок из выпускников Нежинской гимназии, членом которого стал Гоголь. В отличие от других кружковцев, которые уже устроились на работу, Гоголь все еще безуспешно продолжал поиски. Но вскоре эти хлопоты были прерваны одним необычным и загадочным эпизодом.

Через несколько месяцев после прибытия в Петербург Гоголь внезапно уезжает в Германию будто бы вслед за какой-то девушкой, которую никто из его друзей никогда не видел. В письме к матери он так описывает предмет своего увлечения: «Я бы назвал ее ангелом, но это выражение некстати для нее. Это божество, но облеченное в человеческие страсти. Лицо, поразительное блистание которого в одно мгновение печатлеется в сердце, глаза, пронзающие душу, их жгучего сияния, проходящего насквозь всего, не вынесет ни один человек. Адская тоска со всевозможными муками кипела в груди моей. О, какое жестокое состояние! Мне кажется, если грешникам уготован ад, то он не так мучителен. Нет, это не любовь была. Я жаждал, кипел упиться одним только взглядом. Взглянуть на нее еще раз – это было единственное желание, возраставшее сильнее и сильнее, с невыразимой едкостью тоски. С ужасом осмотрелся я и разглядел свое ужасное состояние. Все в мире для меня было чуждо, и жизнь и смерть равно несносны, и душа не могла дать отчет в своих явлениях. Я увидел, что мне надо бежать от самого себя, если я хочу сохранить жизнь и возвратить хоть тень покоя в истерзанную душу. Нет, это существо, которое было послано, чтобы лишить меня покоя, расстроить шатко созданный мир мой, не было женщиной. Если бы она была женщиной, она бы всею силою своих очарований не смогла произвести таких ужасных, невыразимых впечатлений. Это божественное существо вырвало покой из моей груди и удалилось от меня».

Историк и биограф В. М. Шенрок позже писал, что «эта страсть существовала только в воображении Гоголя». Через три недели Гоголь из Любека сообщает матери, что он бежал от самого себя и старался забыть все, окружавшее его. «Я напрасно пытался уверить себя, что принужден повиноваться воле того, кто управляет нами свыше. За эту любовь я должен причинять вам страдания и должен исполнить жизнь вашу горькими минутами. Это разрывает мне сердце. Простите, милая великодушная

маменька, своего несчастного сына. Я часто думаю о себе: зачем Бог создал сердце, может быть единственное редкое в мире, пламенеющее жаркой любовью ко всему высокому и прекрасному, зачем дал всему этому такую грубую оболочку? Зачем одел в такую страшную смесь противоречий, упрямства, дерзкой самонадеянности и самого униженного смирения? Но мой бренный разум не в силах постичь великих определений Всевышнего».

В том же письме он сообщает, что у него на теле сыпь, от которой лечится. Это вызвало тревогу у матери, которая решила, что он заболел «дурной болезнью». «Как вы могли подумать, маменька, что я добыча разврата, – писал Гоголь в одном из писем матери, – что нахожусь на последней степени унижения человечества, и решили приписать мне болезнь, при мысли о которой всегда трепетала душа моя. Как вы могли подумать, чтобы сын таких ангелов-родителей мог быть чудовищем, в котором не осталось ни одной черты добродетели. Но я готов дать ответ перед Богом, если я учинил хоть раз развратный подвиг. Нравственность моя здесь чище, нежели в бытность в заведениях и дома. Что касается пьянства, то я никогда не имел этой привычки».

Причину своего бегства за границу Гоголь объясняет «сильным противовольным влечением». «Будучи не в силах противиться чувству, мне самому непонятному, я сел на корабль. Проект и цели моего путешествия мне были неясны». Профессор-психиатр В. Ф. Чиж расценил этот поступок как импульсивное влечение (по А. В. Снежневскому – это поступок, который совершается внезапно, без осмысливания). Сам Гоголь понимал нелепость своего поведения, но не мог противиться ему. Желание было настолько непреодолимым, что он вынужден был исполнить его.

Вернувшись в Петербург и отчаявшись найти работу через покровителей, Гоголь решил действовать сам. В октябре 1829 года он подал прошение Министру внутренних дел и вскоре получил место в Департаменте городского хозяйства с окладом 30 рублей в месяц. Матери пишет: «Мне удалось сыскать место, хоть и незавидное. Мои покровители водили меня до тех пор, пока не заставили усомниться в сбыточности их обещаний. Теперь моим местом я обязан собственным трудам. Оно не самое худшее».

Денег постоянно не хватало. Гоголь нуждался, экономил на всем, отказался от посещения театров и концертных представлений, а также от любых развлечений. «Фрак мой истерся. Я привык к морозу и ходил всю зиму в легкой шинели, –

писал он матери. – Заботы и вечные беспокойства тягчат меня всякими неприятностями. Я не понимаю, как до сих пор с ума не сошел».

Его приятель Т. Г. Пащенко вспоминал позже: «Гоголь не имел ни призвания, ни охоты к службе, тяготился ею, скучал и часто пропускал служебные дни. В кармане носил заранее заготовленное прошение об отставке».

Через шесть месяцев Гоголь перешел на работу в Департамент уделов писцом, где уже через 3 месяца, в июле 1830 года, получил повышение в должности – был назначен помощником начальника с окладом 60 рублей в месяц. Но и эта работа была ему не по душе, тяготила его. Работал только для того, чтобы поддерживать свои самые минимальные жизненные потребности.

Биограф П. А. Кулиш писал: «Гоголь был плохим чиновником. Извлек из службы только ту пользу, что научился подшивать бумаги». Работа чиновника его не устраивала, но она давала материальную поддержку и одновременно служила пищей для его литературного труда, которым он решил серьезно заняться. В 1830 году в журнале «Отечественные записки» появилась его повесть «Вечер накануне Ивана Купала», а в 1831 г. – первый том «Вечеров на хуторе близ Диканьки», которые принесли ему известность и дали возможность войти в круг петербургских литераторов.

Давая частные уроки детям обеспеченных горожан, Гоголь через них знакомится в 1831 году с фрейлиной императрицы Александрой Осиповной Россет (в замужестве Смирновой) и с поэтом Василием Андреевичем Жуковским – воспитателем наследника престола. О знакомстве с ним Гоголь писал: «Что свело нас, неравных годами? Только то, что мы оба чувствовали святыню искусства». Через Жуковского Гоголь знакомится с инспектором Патриотического института П. А. Плетневым. Будучи коротко знакомым с Пушкиным, Плетнев пишет ему: «Надобно познакомить тебя с молодым писателем, который обещает что-то хорошее. Желаю подвести его под твое благословение. Жуковский от его повестей в восторге».

Знакомство 22-летнего Гоголя с 32-летним Пушкиным состоялось 20 мая 1831 года на вечере у Плетнева. Пушкин дал благоприятный отзыв об авторе повестей. Он писал в «Литературных прибавлениях к Русскому инвалиду»: «Вот настоящая веселость, искренняя, непринужденная, без жеманства, без чопорности… Поздравляю публику с истинно веселою книгою, а автору сердечно желаю дальнейших успехов». Книги Гоголя были быстро раскуплены. Пушкин, признавший

несомненный талант Гоголя, навсегда остался для него вдохновителем и советчиком. Их переписка и общение продолжались до самой гибели поэта.

Казалось, что Гоголь нашел свое призвание и свое место в жизни. Но он, будучи в гипомании, самонадеянно решил, что его призвание – профессорская деятельность, что без всякой специальной подготовки сможет читать лекции студентам. Через Жуковского и Плетнева он добивается получения в Патриотическом институте места младшего учителя истории и с февраля 1831 года начинает курс лекций по истории средних веков.

На студентов Гоголь сразу же произвел неприятное впечатление. Перед ними он появился небрежно и бедно одетый. Одну щеку прикрывал темный платок, концы которого в виде двух ушек красовались на макушке, что выглядело очень комично и забавляло студентов. А его бледное некрасивое лицо с длинным и острым носом вызывало у них смех. Лекцию читал тихо, «бормотал что-то себе под нос», вспоминали его современники.

В 1831 году в доме Балабиных, у которых Гоголь давал частные уроки их детям, он познакомился (как указывалось выше) с обаятельной и умной женщиной Александрой Осиповной Россет (в замужестве Смирновой). В дальнейшем она стала его близким другом, поддерживая его морально и материально, высоко ценила его талант и почти до самой его смерти находилась с ним в переписке.

Гоголь не пользовался популярностью у студентов. Его лекции в Патриотическом институте, сухие, неинтересные, не имели успеха. Одновременно он собирает материал по истории Малороссии, чтобы написать многотомный труд. Узнав, что в Киеве открылся университет, Гоголь подает прошение о предоставлении ему кафедры истории и звания ординарного профессора. Он был уверен, что киевские студенты поймут его лучше и там он проявит свое лекторское искусство. Но кафедру и звание ординарного профессора он не получил и вынужден был вернуться в Петербург, где 24 июля 1834 года был определен адъюнктом по кафедре истории Петербургского университета и стал читать курс лекций по истории средних веков.

Позже современник Гоголя В. П. Гаевский писал: «Гоголь, как преподаватель, не имел достоинств, лекции его не отличались знанием дела, он не умел владеть вниманием слушателей». Лекции пропускал. Читал невнятно, «что-то шептал весьма несвязное и все время конфузился, мы были убеждены, что он ничего не смыслит в истории и что Гоголь-профессор не имеет ничего общего с Гоголем-писателем», – вспоминал один из его

слушателей. Но когда его лекцию посетили Пушкин и Жуковский с инспектором и ректором университета, Гоголь в тот день преобразился и лекцию читал блестяще. «Невозможно было следить за его мыслью, которая летела и преломлялась как молния, освещая картину за картиной в этой мрачной средневековой истории. Но уже следующую лекцию читал вяло, безжизненно и сбивчиво, так что скучно было слушать и мы не верили сами себе, тот ли Гоголь, который на прошлой неделе прочитал блестящую лекцию. Другие его лекции были в том же духе, и мы охладели к Гоголю. Его аудитория все больше пустела»[24].

Погодину Гоголь жаловался: «Я читаю лекции один. Никто меня не слушает. Хоть бы одно студенческое существо меня понимало. Это народ бесцветный». Не только лекции, но и внешний вид Гоголя неприятно поражал студентов. «Вид у Гоголя был болезненный и довольно жалкий. Боже мой, что за длинный, острый, птичий нос у него! Я не мог на него прямо смотреть, особенно вблизи, думая: вот клюнет, и глаз вон»[25], – вспоминал Н. М. Колмаков. Ученики в частных домах, которым он периодически давал уроки, говорили знакомым: «Только чувство приличия не позволяло нам громко смеяться над его внешностью». Поведение Гоголя во время экзаменов показалось студентам странным. Он сидел с подвязанной щекой и «не раскрывал рта», а экзамен принимал профессор И. П. Шульгин. «Как сейчас вижу худую длинноносую фигуру Гоголя с двумя высоко торчащими в виде ушей концами черного платка», – вспоминал один из бывших студентов.

Через полтора года (в конце 1835 г.) Гоголь был уволен из университета из-за «несостоятельности и низкого уровня лекций». В то же время он продолжал писать удивительные и неповторимые по художественной ценности повести. Похвалы сыпались на него со всех сторон. Литературный критик В. Г. Белинский высоко оценил талант Гоголя и в 1835 году признал его «главой современной русской литературы». В «Телескопе» появилась его статья, в которой он писал: «Русское общество имеет в лице Гоголя великого писателя». Но все это не помогло Гоголю удержаться на кафедре.

В письме к Погодину он пишет: «Неузнанный взошел я на кафедру, неузнанный схожу с нее. За эти полтора года, что было годами моего бесславия, я много прибавил в сокровищницу своей души». Для его литературной деятельности эти годы (1834–1835) были самыми плодотворными. Он издал второй том «Вечеров», закончил «Ревизора» и начал писать «Мертвые души» по сюжету, который подсказал ему Пушкин.

К этому времени его товарищи по гимназии нашли свое семейное счастье или были на пути к нему. Узнав, что его близкий друг А. С. Данилевский влюбился в молодую красавицу, Гоголь пишет ему: «Я понимаю состояние твоей души. Мне не удалось испытать счастья в любви. Это пламя превратило бы меня в прах в одно мгновение. У меня есть твердая воля, которая два раза отводила меня от желания заглянуть в пропасть. Ты счастлив. Тебе удалось вкусить первое благо в свете – любовь».

Поняв, что преподавательская работа – это не его призвание, Гоголь полностью посвящает себя литературной деятельности.

Глава 9
Расстройство настроения

Патологические процессы в головном мозгу (как уже указывалось выше) могут оказывать не только угнетающее, но и стимулирующее влияние на человека, на его умственную деятельность. На протяжении всей жизни Гоголь был подвержен колебаниям настроения: периоды подъема (мании) сменялись его спадом (меланхолией, по старой терминологии). В период учебы в гимназии ярко выраженных маниакальных состояний и глубоких депрессий не было. Колебания настроения были на уровне стертых приступов типа субдепрессий и гипоманий.

В первом классе гимназии у Гоголя преобладали субдепресии, настроение было чаще подавленным, чем ровным или приподнятым. Во втором классе гимназии 13-летнему подростку, находившемуся часто в унынии, неожиданно на помощь пришла… душевная болезнь. Без видимой внешней причины у него поднялось настроение, он обрел уверенность в себе, стал подвижным, словоохотливым, искал приложения своим силам – рисовал, писал стихи, сочинял шаржи, стал позволять себе шалости. Преподаватели отмечали его отвлекаемость на уроках.

Позже Гоголь вспоминал, что такие моменты были у него и во время учебы в Полтаве, когда на него «нападала неистощимая шутливость». В одном из писем Жуковскому он писал: «Еще в школе я чувствовал расположение к веселости и надоедал товарищам неуместными шутками. Но это было временно, а я был скорее характера меланхолического».

В 1822 году Гоголь пишет родным, что на него «часто нападает охота шутить». Приступы повышенного настроения были разной продолжительности – от нескольких дней до 3-х недель. Будучи в 4-м классе гимназии (1824 год) он сообщает родителям о неустойчивости своего настроения: «В одном месте я самый тихий, скромный, учтивый, в другом – угрюмый и задумчивый, в третьем – болтлив и докучлив, у иных я умен, у других глуп».

14 мая 1826 года 17-летний Гоголь – гимназист 5 класса – пишет родным, что он «никогда не был в таком хорошем состоянии, как теперь, я весел и радостен». В петербургский период жизни Гоголя, по воспоминаниям друзей, на него «часто нападала судорожная горячечная веселость». В такие моменты он становился подвижным, оживленным, мысли текли легко и

свободно. В дальнейшем, когда он посвятил себя литературному труду, такие приступы помогали ему в творческой работе, и он дал им название «гения».

Перед новым 1834 годом он пишет «Воззвание к гению»: «Великая торжественная минута. У ног моих шумит мое прошедшее, надо мной сквозь туман светлеет неразгаданное будущее. Молю тебя, жизнь души моей, мой «гений», не скрывайся от меня, побудь со мной в эти минуты. О, не разлучайся со мной. Живи на земле со мной хоть два часа каждый день. Я совершу! Я совершу! Жизнь кипит во мне! Труд мой будет вдохновенным, над ним будет веять недоступное земле божество. Не отходи от меня весь этот так заманчиво для меня наступающий год. Что ж ты так таинственно стоишь передо мной, 1834 год? Будь моим ангелом. Я означу тебя великими трудами. Я не знаю, как назвать тебя, мой гений, еще с колыбели прилетевший ко мне со своими песнями. Возведи на меня свои небесные очи!»

И, что самое удивительное, этот мифический «гений» как будто услышал его заклинания, и 1834-й год, как и следующий 1835-й оказались самыми плодотворными. В эти годы, как указывалось выше, Гоголь пишет второй том «Вечеров на хуторе близ Диканьки», комедию «Ревизор». Начал писать «Мертвые души» и одновременно читает лекции студентам, хоть и не очень успешно, пишет «Историю Малороссии» (не окончил и не издал) и считает ее наиболее важной своей работой: «Мне кажется, я напишу и скажу то, что до меня не говорил никто».

11 января 1834 года Гоголь сообщает Погодину: «Я весь погружен в историю Малороссии. Ух, брат, сколько ко мне приходит мыслей, да какие крупные, полные, свежие». Его приподнятое настроение поддерживается восторженными отзывами о его повестях. В. В. Стасов писал о повести «Как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем»: «Повесть привела читателей в ни с чем не сравнимый восторг. Необыкновенность содержания, неслыханный по естественности язык, от роду еще не известный никому юмор».

В 1835 году у Гоголя был особенно бурный подъем настроения. «Мысли ужасающего величия, высокие, исполненные истины, волнуют меня, – писал он в одном из писем. – Каких высоких торжественных ощущений исполнена моя жизнь! Клянусь, я что-то сделаю, чего не сделает обыкновенный человек. Львиную силу чувствую в душе своей».

Гоголь активно хлопочет о постановке в театрах комедии «Ревизор» (поставлена в 1836 г.). Ощущает прилив творческих сил, а душа его часто переполняется верой в свои возможности и

волнующим чувством неувядающего вдохновения. Все удавалось ему легко, почти без особых усилий.

В 1841 году, когда он находился в Италии, периодически отмечались выраженные всплески повышенного настроения. Он пишет Аксакову: «Я глубоко счастлив. Я слышу и знаю дивные минуты. Создание чудное творится и совершается в душе моей и благодарными слезами наполняются глаза мои. Здесь явно видна святая воля Бога».

Тот же оптимизм и уверенный тон слышится и в письме к Жуковскому: «Я часто слышу чудные минуты, чудной жизнью живу внутренней, огромной, заключенной во мне самом. Вся жизнь моя отныне один благодарный гимн». Восторг чувствуется и в его послании к другу Данилевскому: «О, верь словам моим! Властью высшей отныне облечено мое слово». О периодах подъема его настроения писал журнал «Современник»: «Он был скрытный и молчаливый в высшей степени, а по временам предавался порывам неудержимой веселости. В эти редкие минуты он болтал безумолку, острота следовала за остротой, и веселый смех слушателей не умолкал ни на минуту».

В дальнейшем подъемы настроения становились более короткими и редкими, они прерывались более длительными и глубокими состояниями депрессии, которые Гоголь называл то меланхолией, то «хандрой», подразумевая под последней и другие тягостные для него болезненные проявления. В «Авторской исповеди» он писал: «На меня находили припадки тоски, мне необъяснимой. Может быть, она происходила от моего болезненного состояния». Такие приступы держались по 2–3 недели. Он всегда боялся «хандры» и говорил своим друзьям, что она «гонится» за ним по пятам. Депрессия чаще появлялась без внешнего повода, но иногда ее провоцировали неприятности или жизненные невзгоды. Он не переносил заунывных песен, причитаний, вида человеческих страданий и смерти. Когда умер молодой граф Виельгорский, за которым Гоголь самоотверженно ухаживал, он убежал из квартиры и не присутствовал на похоронах.

До середины 30-х годов у Гоголя чаще были периоды повышенного настроения, во время которых у него был всегда творческий подъем. Периоды спада настроения он переносил тяжело, пугался таких состояний и метался в поисках способов облегчения. Обращался к врачам, но не всегда доверял им. Хуже себя чувствовал зимой и ранней весной. В марте 1835 году он описывает А. П. Толстому, в квартире которого жил в Москве, один из приступов «хандры»: «Тоска, боли во всем теле, лицо пожелтело, руки распухли и почернели. Изнурен душевно и

телесно».

Смена настроения происходила чаще неожиданно. «Душа моя временами уныла, – писал он, – а через месяц я снова вольный казак». В письме Жуковскому он подробно описал одно из таких переходных состояний: «Когда я работал над первым томом «Мертвых душ», было безблагодатное настроение, изгрызалось перо, раздражались нервы, но ничего не выходило. Я думал, у меня отнялась способность писать, и вдруг мое болезненное душевное состояние обратилось к тому, что появилась охота наблюдать за человеческой душой. Живые образы начали ясно выходить из тьмы. Я чувствовал, что язык правилен и звучен, слог окреп».

В периоды подавленности и тоски ему трудно было собраться с мыслями, но он не щадил свой мозг и усилием воли заставлял его работать свыше возможных пределов. В 30-х годах периоды подъема настроения стали чаще сменяться спадами. «Сижу при лени», – писал он в таких случаях друзьям. Душа его, которая недавно была озарена светом надежд, неожиданно погружалась в скорбную печаль. Такое состояние отмечалось у него в феврале 1833 года. Гоголь пишет Погодину, что «находится в бездействии и неподвижности. Творческая сила не посещает меня». О том же сообщает Александру Данилевскому: «Ум мой в странном бездействии. Мысли так растеряны, что не могу их собрать в одно целое». Своему земляку Максимовичу он жалуется: «Если б вы видели, какие со мной происходят странные перевороты и как сильно у меня бывает все растеряно внутри. Сколько я перенес, сколько перестрадал».

Гоголь обратил внимание, что езда в экипажах действует на него благотворно и решил предпринять длительное путешествие за границу. К тому же суровый климат в России переносил тяжело и говорил друзьям, что бежит от него в теплые края Европы. В 1836 году он уезжает за границу. Погодину пишет: «Еду за границу. Там размыкаю свою тоску». Особенно глубокая депрессия началась у него в 1837 году, когда, находясь в Париже, получил известие о смерти Пушкина. Он был крайне потрясен этой трагической неожиданностью. «Невероятная тоска, – пишет он Плетневу. – Несколько раз принимался писать, но перо выпадало из рук моих. Все наслаждения жизни, все мои идеалы исчезли вместе с ним. Ничего не предпринимал я без его совета, ни одной строчки не написал без того, чтобы не видеть его перед собой. Что он скажет, что заметит, что одобрит, все одушевляло мои силы. Нынешний труд мой – есть его создание и я не в силах продолжать его».

Один из современников Гоголя писал, что «пуля Дантеса

погубила сразу две славы русской словесности». Профессор психиатр Н. Н. Баженов (1857–1923) считал, что с этого времени у Гоголя «упадок гения и болезненное отношение к окружающему». Он все чаще стал погружаться в тоску и уныние и сам чувствовал, что меркнет огонь его воображения, что сердце окутывает скорбная печаль и мир вокруг становится мрачным и унылым, а его смятенная душа бьется о «непроницаемую тьму тревожных и тяжелых мыслей».

Депрессия временами принимала характер ажитированной (ажитация – крайне возбужденное состояние духа). В 1840 году он жалуется друзьям: «Необыкновенная раздражительность нервов, ни на стуле, ни на ногах, ни на постели не нахожу места. Это та самая тоска и беспокойство, которое я видел у Виельгорского в последние минуты его жизни». Чаще всего Гоголь открывал душу своей приятельнице Александре Осиповне Смирновой (в девичестве – Россет). В одном из писем он писал ей: «Как сильно могу я страдать, но другие не видят моих страданий».

В 1842 году, после кратковременного подъема настроения, у Гоголя начался его спад. 10 февраля 1842 года он пишет Языкову: «Меня сжимает тоска, мне нужно уединение. Разрываются последние узы со светом». Этот приступ депрессии приобрел затяжной характер. Начавшись в феврале, он продолжался и в марте. Гоголь все больше становился пленником своего настроения. В конце 1843 года у него был период подъема, но уже в январе 1844 года он пишет Смирновой: «Душа изнывает от странной тоски. Исхудал, воды действуют дурно, всякое умственное занятие производит хандру. Изнурение сил полное». В дальнейшем депрессивные состояния становятся более глубокими и более продолжительными. В январе 1845 года он жалуется своему другу Языкову на «нервическое тревожное состояние и расклеивание во всем теле». В одном из писем Плетневу в 1845 году пишет: «Такая ужасная тоска, что повеситься или утопиться было бы лекарством».

С конца 30-годов и до 1848 года Гоголь почти постоянно живет в Италии, в Россию приезжал изредка для устройства дел своих сестер или для издания своих произведений. За границей колебания настроения продолжались, но, по его мнению, были менее глубокими, чем во время пребывания в России. Он связывал это с благотворным влиянием южного климата.

Глава 10
Полиморфизм душевных расстройств

Проявления душевной болезни Гоголя отличались чрезвычайным полиморфизмом (многообразием) и включали почти все синдромы (совокупность признаков болезни), известные в психиатрии, кроме нарушения памяти и глубокого помрачения сознания. Скрытный характер Гоголя, его умение, как он выражался, «не показывать наружно» свои недуги, не позволили сделать их полностью доступными для изучения. Одним из проявлений его болезненного состояния была ипохондрия – «утрированная озабоченность своим здоровьем, убежденность в существовании того или иного заболевания, вопреки аргументированным возражениям специалистов» (Психиатрия. Национальное руководство, 2009, с. 314). В народе таких больных называют «нытиками». По определению академика А. В. Снежневского, у них «внимание к своему здоровью приобретает чрезмерный характер».

Популярный в Москве в XIX веке терапевт Александр Иванович Овер считал Гоголя «тяжелым ипохондриком». В течение всей жизни (кроме периодов маниакального состояния) Гоголь опасался за свое здоровье. Будучи в гимназии, в возрасте 12 лет он уже считал, что «опасно болен» и предупреждал об этом родителей. Но не объяснял, в чем опасность болезни. Это были неопределенные жалобы.

В 1832 году ездил в Полтаву, обследовался у врачей, но рекомендации их выполнять не стал, боялся, что «будет хуже». В это время жаловался на тяжесть в желудке и его «недеятельность», считал, что его здоровье «еле держится». В 1833 году в возрасте 24-х лет стал жаловаться на «зябкость» в теле и похолодание конечностей: «Ноги как несогреваемый лед». Просил у врача Дядьковского заочно рецепт. Но, получив пилюли, принимать их не стал: «вдруг в рецепте ошибка или дадут вместо лекарства яд».

В 1834 году в письме к своему земляку Максимовичу Гоголь пишет о неприятных ощущениях в теле: «Признаки моей болезни состоят в охлаждении конечностей, болезненной чувствительности живота и неправильном отделении кишечника. Болезненные припадки начинаются внезапно, появляется упадок сил, слабость и упадок духа». Позже, будучи за границей, он

пишет друзьям, что «болен неизлечимой болезнью».

В 1836 году Гоголь обращается к европейским врачам с жалобами на «боли в области желудка, кишок, печени, сердца, головную боль, на замедление пульса». Одни врачи предполагали, что у него «катар желудка и кишок», другие считали, что он «страдает заболеванием печени», которая «увеличилась и не оставила места для легких», а некоторые подозревали чахотку. Только немецкий профессор Шенлейн расценил его заболевание как «нервическое расстройство». Он объяснил, что «не телесные болезни вызывают хандру, а хандра приводит к неприятным ощущениям в теле», и посоветовал принимать гомеопатические средства, морские купания и соблюдать диету. Гоголь лекарствам не доверял, но морские купания и влажные обтирания делал регулярно.

Несмотря на эти меры, неприятные ощущения в теле продолжали его беспокоить. 31 декабря 1838 года Гоголь пишет из Италии другу Александру Данилевскому: «В брюхе как будто сидит какой-то дьявол и мешает всему. Никакого аппетита не имею». В этом же году он описывает свои болезненные явления своей приятельнице А. О. Смирновой: «Моя геморроидальная болезнь обратилась на желудок. У меня вся болезнь в кишках, в печени и в желудке». Длительное время ощущал «зябкость, онемение и похолодание конечностей».

28 марта 1845 года Гоголь пишет А. П. Толстому, что у него боли во всем теле, которое дошло до «странного охлаждения, никак не могу согреться. В беготне провожу весь день». Появились мысли о приближении смерти, о чем сообщает в апреле 1845 года профессору С. П. Шевыреву: «Появились признаки, которые говорят о том, что надо честь знать и уступить место живущим».

В следующем 1846 году Языков пишет брату, что у Гоголя «зародыш всех болезней», он считает, что у него «особое устройство головы и неестественное положение желудка – «вверх дном». Ипохондрические жалобы обычно всегда появлялись у него во время приступов депрессии и сопровождались сенестопатиями (неприятные ощущения в разных частях тела): «Зябну до такой степени, что выбегаю на воздух, не знаю, как и чем согреться, руки – несогреваемый лед». В дальнейшем ипохондрические расстройства то ослабевали, то усиливались, но полностью не исчезали.

Помимо ипохондрических расстройств у Гоголя появлялись временами и такие, на которых он меньше фиксировался, хотя они тоже были неприятны. Это так называемые явления навязчивости – «состояния, при которых чувства, мысли, страхи, воспоминания, влечения, двигательные акты возникают у

больного помимо его желания, но при сознании их болезненности» (А. В. Снежневский).

В 1848 году Гоголь пишет одному из своих приятелей: «У меня расстройство внутри. Вижу, человек спотыкается, воображение за это ухватится и начинает развивать все в страшных призраках, и они до того меня мучают, что не дают спать, истощают силы». Профессор психиатр В. Ф. Чиж писал в 1903 году о том, что «навязчивые идеи нередки при психическом вырождении или “дегенеративном помешательстве” (шизофрении)».

Временами у Гоголя появлялись явления так называемой «речевой стереотипии». По определению академика А. В. Снежневского, это однообразное повторение одних и тех же фраз. Вернувшись в Россию из поездки в Европу, Гоголь сочинил наивную песенку:

Счастлив, кто купил себе
В Гамбурге штанишки,
Благодарен я судьбе
За свои делишки.

Он напевал ее ежедневно по несколько раз, так что все, кто ее слышал, запомнили наизусть. Однажды, будучи в гостях у друзей, Гоголь вместе со всеми пел малороссийские песни и мотив одной из них, которая ему особенно понравилась, он повторил 30 раз, так что утомил всех. Такие частые повторения куплетов песен или понравившихся ему фраз отмечались в течение всей его жизни.

В некоторых письмах Гоголь, не знакомый с медициной, удивительно точно описывает тягостные для него явления «психического автоматизма». В книге «Психиатрия. Национальное руководство» дано такое определение этого явления – это «ощущение овладения, возникающее при мнимом воздействии на больного тем или иным видом энергии»[26]. В первых главах уже описано состояние, когда он против своей воли поехал за несуществующей девушкой в Европу, почувствовав, что не может противиться этому влечению.

Такое же чувство испытал Гоголь, когда ухаживал за умирающим юношей Виельгорским: «как будто был прикован к нему непостижимой силой». Незадолго до смерти, во время посещения обители «Оптина пустынь» у него появилось необычное ощущение, о котором рассказал отцу Матфею: «Хочу молиться, но через одну-две минуты мысли расхищаются, приходят в голову непрошеные гости и уносят помышления бог знает куда, бог знает в какие места, прежде, чем я успеваю

очнуться. Хочу думать об одном, а думается о другом». В другом письме он писал: «Мысли мои расхищаются, а вместе с ними исчезают новые идеи, представления, появляется опустошение в мыслях, и я не могу ими управлять». Явления психического автоматизма входят в состав сложного синдрома Кандинского-Клерамбо.

Помимо «отнятия» мыслей, у Гоголя в течение жизни явления психического автоматизма периодически проявлялись в виде так называемого ментизма – «непроизвольного течения мыслей и представлений»[27]. Он описал это явление в письме к своей матери 24 июля 1829 года: «Хандра. Перо дрожит в руке. Мысли тучами набегают одна на другую, не давая одна другой места. Какая-то невыразимая сила сталкивает их». В более позднем возрасте, в 1840 году, он пишет в одном из писем Погодину: «Я чувствую, как в голове шевелятся мысли как разбуженный рой пчел, и я засел за работу, но нервическое пробуждение обернулось нервическим расстройством. Я думал, от недостатка движения, и пустился ходить, но стало еще хуже».

Кроме упомянутых выше болезненных расстройств, Гоголь в письмах к разным лицам описывает необычное и непонятное ему душевное состояние – нереальность обстановки (дереализация). В ту пору, когда он ухаживал за больным юношей Виельгорским, ему показалась странной обстановка – «я читал в ней повторение чего-то отдаленного, когда-то давно бывшего». Это так называемое явление «дежавю» – уже виденное. Такое же ощущение нереальности появилось у него после просмотра комедии «Ревизор»: «Мое творение показалось мне странным, как будто не мое». По определению профессора А. В. Снежневского, это «отчуждение восприятия» (жамевю – никогда не виденное).

Однажды, когда шел домой один, ему показалось, что он в «многолюдной толпе». Но особенно странным ему показался один эпизод во время пребывания у родных в Васильевке в 1842 году: «Вижу родные знакомые лица, но они мне показались как будто родившимися не здесь, а в другом месте и в другое время. И много еще глупостей чудится в моей ошеломленной голове». Это тоже один из видов «отчуждения восприятия» – нарушение «восприятия времени».

Помимо описанных симптомов, у Гоголя было еще одно расстройство довольно неприятного характера – амбивалентность или двойственность поступков (по определению академика А. В. Снежневского – «противоположные тенденции в психической деятельности, приводящие к непоследовательности мышления и неадекватности поступков»[28]. Сам Гоголь считал, что ему с детства была свойственна нерешительность. Прежде чем что-то

сделать, долго обдумывал, принимался за дело и бросал, а через некоторое время снова брался за то же самое.

Его современник Ф. И. Иордан вспоминал такой эпизод. Обедая в одном трактире, Гоголь менял несколько раз блюда, едва дотронувшись до них. Трактирщик предложил ему больше не ходить в их трактир, так как «хозяин забракованные блюда ставит на наш счет». Такая же история произошла во время обеда у Хераскова, когда Гоголь несколько раз требовал заменить чай, мотивируя свое требование тем, что чай холодный, или горячий, или не крепкий, или «стакан не долит». Гости были удивлены его нетактичностью, не подозревая, что это поведение определялось не капризами писателя, а его душевной болезнью. В последние годы явления амбивалентности у Гоголя приняли выраженные формы. В 1851 году они стали не только явными и заметными для окружающих, но и крайне тягостными для него.

Летом 1851 года после длительного пребывания в Васильевке он собрался возвращаться в Москву. Попрощался с родными и уехал. Но, к их удивлению, с полпути вернулся. На другой день снова уехал и снова вернулся, и так было, по воспоминаниям сестры Ольги, «четыре раза». Осенью 1851 года получил из Васильевки от матери приглашение на свадьбу одной из сестер. Ехать долго не решался. Потом выехал. По пути заехал в Оптину пустынь посоветоваться с епископом. Тот рекомендовал ехать, чтобы не огорчать семью и «не гневить Бога». Но, к удивлению епископа, на другой день Гоголь пришел к нему с тем же вопросом. Тот посоветовал действовать так, как подскажет сердце. Гоголь поблагодарил и ушел. Но на третий день пришел опять и обратился к нему с тем же вопросом. Тот снова посоветовал помолиться и спросить у Бога совета. Когда Гоголь пришел и на четвертый день с тем же вопросом, епископ рассердился из-за того, что он не слушает его советов, и приказал вернуться в Москву и к нему больше не обращаться. Гоголь вернулся. На свадьбу не поехал. Матери написал, что он доехал почти до Калуги, но почувствовал себя плохо и вернулся. Такие явления были тягостны для Гоголя, он понимал их неестественность и относил к признакам своей болезни. Явления амбивалентности сопровождали Гоголя в течение всей жизни.

Но наиболее тягостными для себя Гоголь считал так называемые «кататонические» явления. В то время (середина XIX века) термина «кататония» еще не существовало. Эти расстройства были описаны европейским психиатром Кальбаумом через несколько лет после смерти Гоголя как самостоятельное заболевание. А еще через несколько лет, в конце XIX века, выдающийся немецкий психиатр Эмиль Крепелин кататонию

описал как синдром так называемого раннего слабоумия (с 1911 года – шизофрения).

В национальном руководстве «Психиатрия» (ответственный редактор член-кор. Ю. А. Александровский) «кататонический синдром» описывается академиком РАМН А. С. Тигановым, как «психическое расстройство, при котором преобладают нарушения в двигательной сфере, характеризующиеся картиной заторможенности (ступора) или возбуждения». Такие явления отмечались у Гоголя в раннем детстве. Дочь писателя и друга семьи Гоголей В. В. Капниста – Софья Васильевна Скалон писала в своих воспоминаниях: «Я знала Гоголя мальчиком. Он всегда был серьезный и до того задумчивый, что отвлечь его от собственных мыслей было невозможно и это чрезвычайно беспокоило его мать».

В дальнейшем эти явления заторможенности повторялись в течение всей жизни Гоголя. Сначала они были нечастыми и кратковременными (от нескольких минут до нескольких часов), затем стали более глубокими и продолжительными. Приятельница Гоголя Александра Осиповна Смирнова, которая видела эти приступы, в своих воспоминаниях писала: «На него находила “задумчивость”. Он переставал отвечать на вопросы и старался уединиться». А его современник Иван Федорович Золотарев (1812–1881), который встречался с Гоголем в 1838 году за границей, называл эти явления «столбнячками». Он так описывал их: «Гоголь был в хорошем расположении духа, целые дни проводил в созерцании римской природы, в обществе кого-нибудь из своих приятелей, и «вдруг среди оживленного разговора внезапно замолкал и слова от него не добьешься. Являлось это, по-видимому, беспричинно. Иногда у него появлялась странная застенчивость, а затем разговорится и говорит весело, живо, но входило новое лицо, и он замолкал и прятался, как улитка, в свою раковину».

Иногда во время таких расстройств у него появлялось желание сбрить волосы на голове, как «помощь вдохновению путем ускорения испарений». В такие моменты он чувствовал, что его мысли и чувства «зажаты в тиски неведомого тормоза» неподвластной ему силой, которая сковывает тело, заволакивает мозг, покрывая его «тяжелыми облаками». Он чувствовал, что лишается возможности не только вести беседу, но и свободно двигаться, не может управлять собой, не может «пошевелить ни одной частью своего тела». Он превращался в малоподвижного, иногда и совсем неподвижного «истукана» при ясном сознании. Застывала мимика, взгляд казался отрешенным. Такие явления пугали его, так как у него было ощущение «обмирания»

и надвигающейся смерти. Такая обездвиженность настигала его в любом месте, иногда в самом неподходящем. Если был в гостях, то успевал уйти вглубь комнаты и сесть на диван или в кресло. Окружающие, которым он не раскрывал своих переживаний, принимали такое состояние за гордость и высокомерие.

Сам Гоголь так описал один такой приступ «столбнячка»: «На мой мозг точно надвинули колпак, который мешал мне думать, тормозил мои мысли». В письме к одному из своих современников, Дондукову-Корсакову, он описывал такие состояния более подробно: «Овладевает мной моя обыкновенная периодическая болезнь, во время которой я остаюсь почти в неподвижном состоянии, и это продолжается по 2–3 недели». Такие состояния он называл то «нервическим усыплением», то «оцепенением», то «жизненным онемением» и боялся, что в таких случаях его могут принять за мертвеца и похоронят живого. Он предупреждает родных и знакомых, чтобы его не предавали земле, пока не появятся «признаки разложения». При этом разъясняет: «Бывают такие трудные моменты, когда уподобляешься человеку, находящемуся в летаргическом сне, который видит, как его погребают, но не может пошевелить пальцем и подать знак, что он еще жив».

Такие явления заторможенности были в какой-то степени и защитной реакцией мозга, предохранявшей его от истощения. После одного из таких приступов он жаловался Жуковскому: «Откуда, зачем нашло на меня такое оцепенение, не могу понять». Приступ заканчивался чаще всего внезапно. Голова прояснялась, он как бы просыпался от тяжкого сна, и мир снова озарялся яркими красками. В конце жизни заторможенность перешла в настоящий «кататонический ступор» – «обездвиженность с повышением мышечного тонуса и мутизмом (отказом от речи)»[29], во время которого Гоголь в 1852 году скончался. Врачи-соматики (психиатров среди них не было) не смогли тогда вывести Гоголя из ступора.

Долгое время дискутировался вопрос о том, были ли у Гоголя галлюцинации («восприятия, возникающие без реального объекта», А. В. Снежневский). Описывая подробно другие проявления своего душевного страдания, Гоголь почти ничего не писал о галлюцинациях. Возможно, он относился к «посторонним голосам» без критики и принимал их за реальные. Близкий друг Гоголя, писатель Сергей Тимофеевич Аксаков говорил друзьям: «Гоголь слышит то, что мы не слышим». В «Авторской исповеди» Гоголь писал о «болезненных страхах, об ожидании чего-то страшного». «Мне всегда был страшен божественный зов, и я бежал с великим страхом и только тогда успокаивался, когда

навстречу попадался какой-нибудь человек. Не могу выносить звуков некоторых песен, которые стремятся по всем беспредельным русским просторам. Звуки вьются около моего сердца, и я удивляюсь, почему другие их не ощущают».

В 5-летнем возрасте, как указывалось выше, слышал какие-то голоса, испытывая при этом страх. В дальнейшем в письмах и воспоминаниях современников Гоголя о них некоторое время упоминаний не было. Только в сороковых годах С. Т. Аксаков в своей книге «История моего знакомства с Гоголем» написал: «Я слышал, что Гоголь во время болезни имел какие-то видения, о которых он рассказывал ходившему за ним с братской нежностью и заботой купцу М. П. Боткину, который случился в то время в Риме».

С 1843 года Гоголь стал говорить о влиянии на него «нечистой силы». Аксакову написал странное послание, которое привело всех в недоумение: «Ваше волнение – дело черта. Эту скотину бейте по морде и не смущайтесь. Хвалился черт всем миром владеть, да Бог не дал ему власти». Смирнова описывает в своих воспоминаниях такой эпизод, который был летом 1851 года, когда Гоголь отдыхал некоторое время в ее имении в селе Спасском Бронницкого уезда: «Однажды утром встал рано и ушел с молитвенником в руках в сад. Вернувшись, сел у раскрытого окна и смотрел в поле, глаза были какие-то восторженные, лицо оживленное, как будто чувствовал высокое удовольствие и видел перед собой что-то восхитительное. Когда я вошла, он как будто испугался». Смирнова предполагала, что у него были какие-то «видения». Она обратила внимание, что «шутливость его и затейливость исчезли, он весь был погружен в себя».

О том же вспоминал и издатель А. В. Никитенко: «Гоголь не раз говорил, что ему представляются какие-то видения». Слуга А. П. Толстого, в квартире которого жил Гоголь, неоднократно слышал, как он, находясь один в комнате, громко разговаривал сам с собой «неестественным голосом». Профессор Чиж не сомневался в наличии у Гоголя слуховых и зрительных галлюцинаций. Он писал: «они у него непременно имелись».

Глава 11
Метания больной души

Почти половину сознательной жизни провел Гоголь в странствиях по Европе и России. Светлые воспоминания связаны у него с Италией. Там он хоть и подвержен был болезненным приступам, но они протекали менее тяжело, чем в других местах Европы и России. Много времени проводил в путешествиях, исколесив в экипажах почти всю Европу. Однажды, почувствовав, что торможение начинает охватывать мозг и тело, сел в экипаж. Во время езды карета подпрыгивала и дрожала так, что сидевшие в ней европейцы не выдержали тряски и попросили остановить лошадей. А Гоголь во время тряски почувствовал, что мозг его и тело освобождаются от сковывания и движения «обретают свободу». Чем сильнее была тряска в дороге, тем лучше он себя чувствовал. Он писал друзьям: «Если бы были деньги, я бы день и ночь проводил в поездке». Создавалось впечатление, что встряска была необходима его мозговым клеткам, предупреждая «оцепенение». Путешествовал он то с друзьями, то в сопровождении одного слуги. Много раз был во Франции, Бельгии, Голландии, Германии, в Карлсбаде, в Вене, в Испании, Греции и других местах. Но чаще жил в Италии (в Риме, Неаполе, Флоренции).

Будучи за границей, в основном в Риме, Гоголь продолжал писать сочинения о российской жизни. Там он написал повесть «Тарас Бульба», патриотическое произведение, почти непревзойденное по красоте художественного слова и по силе эмоционального воздействия. Там же окончил первый том «Мертвых душ» и принялся за второй. Уезжал в Италию всегда с радостной надеждой на исцеление от своих душевных недугов. 30 октября 1834 года он говорил друзьям: «Я полетел в мою душеньку, мою красавицу Италию. Я весел и душа моя светла». За границей он жил с 1836 по 1848 годы, приезжая в Россию лишь на короткое время для устройства своих дел и издания сочинений. При этом старался как можно быстрее вернуться в Италию: «Скорее, скорее! Я погибну! Еще, может быть, возможно для меня освежение». В 1839 году во время приступа депрессии он писал: «И сидеть, и лежать тяжело, давление в груди. Доктора нашли желудочное расстройство, остановку пищеварения и раздражение нервов, но лечить опасно: то, что полезно желудку, вредно для нервов. Я был приведен в такое состояние, что не знал, куда себя деть. Я собрался с силами и нацарапал завещание. Дорога в Рим

сделала надо мной чудо. Свежесть, бодрость сделалась такая, какой никогда не чувствовал».

Приехав в Россию в 1840 году для устройства сестер и своих издательских дел, он снова рвется в Италию: «Жду не дождусь весны и поры ехать Рим, в мой рай, где я почувствую свежесть и силы, охлажденные здесь. О, Рим, о, Италия, что за небо, что за воздух, я никогла не был так весел и доволен жизнью, как там». Он обращается к «провидению» с мольбой: «Ради бога и всего святого выгони меня в Рим». Однажды за границей, будучи в восторженном состоянии духа, Гоголь в одном трактире сел в угол и написал целую главу, как он вспоминал, «не сходя с места, и эти строки стали одними из вдохновенных». Он плохо переносил суровый климат России: «Я для здешнего климата уже не гожусь, а главное, моя бедная душа, ей нет здесь покоя».

Одно сознание, что в Италии нет таких холодов, как в России, укрепляло его дух. Он писал, что в Италии он «погружается в какое-то блаженство», «всемогущая рука промысла бросила меня под сверкающее небо Италии, которая заменила мне все. Всеми силами спешу завершить мой труд (писал «Мертвые души»). Жизни! Жизни! Мне бы жизни хотя бы три года». Но и в Италии временами чувствовал упадок сил и вдохновения.

Сочинения, которые в молодости Гоголь писал без труда, с годами стали требовать большого умственного и нравственного напряжения. Особенно это стало заметно при работе над «Мертвыми душами». «Голова моя страдает всячески, – писал он друзьям, – если в комнате холодно, мои мозговые нервы ноют и стынут». Но хорошо на него действовало не искусственное тепло (от камина), а естественное – солнечное. Благословляя благодатную землю Италии, Гоголь не забывал и свою родину: «Русь, Русь! Вижу тебя из моего чудного прекрасного далека. Какая-то непостижимая тайная сила влечет к тебе». И он постоянно поддерживал связь с российскими друзьями, с родными, с издателями его сочинений.

В Италии в те годы было много россиян, с которыми Гоголь встречался, посещая с ними музеи, мастерские архитекторов, картинные галереи, знакомясь с шедеврами западноевропейского искусства. Некоторые авторы позже утверждали безосновательно, что Гоголь не интересовался искусством. Анненский, встречавшийся с Гоголем в Италии, опроверг это утверждение. В конце жизни Гоголь писал об Италии: «Она продлила мою жизнь, но не искоренила мою болезнь, деспотически вошедшую в состав мой». За границей он окончил первый том «Мертвых душ», во время работы над ним он писал: «Притом уже в самой природе моей заключена способность только тогда представлять себе живо

мир, когда я удалился от него. Вот почему о России могу писать только в Риме».

Душевная болезнь Гоголя то способствовала его вдохновению, то тормозила его. Любые жизненные неудачи омрачали его жизнь. В 1841 году Гоголь приехал в Москву из Италии, привез оконченную рукопись первого тома «Мертвых душ» и вручил издателю. Но его ожидало разочарование. В Москве рукопись к опубликованию не приняли. 7 января 1842 года он пишет Плетневу: «Удар для меня неожиданный. Запрещена вся рукопись. Президент компании воскликнул: «Этого я не позволю! Душа бессмертна и мертвых душ не может быть, автор вооружился против бессмертия, а если это ревизские души, то это против крепостного права!»

Гоголь был поражен и решил обратиться за помощью к друзьям в Петербурге. «Все мое имущество и состояние заключено в труде моем, для него я пожертвовал всем, обрек себя на бедность в надежде, что, когда совершу его, отечество не лишит меня куска хлеба. Дело клонится к тому, чтобы отнять у меня последний кусок хлеба. А между тем, никто не хочет взглянуть на меня. Неужели и вы откажете в покровительстве? Неужели вам будет приятно, когда правосудное потомство скажет: вы были равнодушны к создателю русского слова и не тронулись положением бедного писателя, в то время, как могли бы стать его благодетелем. Все семь лет самоотверженного труда, отвержения от мира усилило мои недуги и лишили возможности продолжать далее труд. Светлых минут у меня немного. А теперь и вовсе опустились руки. Расстроен телом и духом».

Гоголь в это время был на высоте своей славы. Белинский высоко ценил его и 10 января 1840 года пишет Аксакову: «Поклонись от меня Гоголю. Скажи, что я люблю его как поэта и как человека. Я встретил его в Петербурге, его присутствие давало полноту моей душе». Плетнев обращается к петербургскому издателю Никитенко и просит напечатать «Мертвые души», мотивируя просьбу тем, что Гоголь болен: «Если не напечатаете, он умрет». В 1842 году «Мертвые души» были опубликованы и во много раз умножили его славу как гениального писателя. С чувством облегчения и с гонораром за книгу он возвращается в Италию.

Глава 12
Погружение в религию

«Почти сам не ведаю, как пришел я ко Христу, увидевши в нем ключ к душе человеческой», – писал Гоголь в «Авторской исповеди». В детстве, по его воспоминаниям, несмотря на религиозность родителей, он был равнодушен к религии, не очень любил посещать церковь и слушать длинные богослужения. «Я ходил в церковь потому, что приказывали, стоял и ничего не видел, кроме ризы попа, и ничего не слышал, кроме противного пения дьячков, крестился потому, что все крестились», – вспоминал он позже.

Будучи гимназистом, по воспоминаниям друзей, он не крестился и не клал поклоны. Первые указания самого Гоголя о религиозных чувствах имеются в его письме к матери в 1825 году после смерти отца, когда был на грани самоубийства: «Благословляю тебя, священная вера, только в тебе нахожу утешение и утоление моей горести». Религия стала доминирующей в его жизни в начале 40-х годов XIX века. Но мысли о том, что в мире есть какая-то высшая сила, которая помогает ему создавать гениальные произведения, появились у него в возрасте 26 лет. Это были самые продуктивные годы в его творчестве. Свои сочинения писал почти без умственных усилий, ощущая легкость мысли, ясность воображения. Со слов одного из его почитателей (И. Ф. Золотарев), Гоголь в этот период времени стал «очень религиозным, посещал церковь». В 1841 году друг Гоголя писатель С. Т. Аксаков заметил «тихую покорность Божьей воле, которая слышалась в каждом его слове».

По мере углубления и усложнения душевных расстройств Гоголь стал чаще обращаться к религии и молитвам. В 1847 году он писал В. А. Жуковскому: «Здоровье мое так хило и временами бывает так тяжко, что без Бога не перенести». Своему другу Александру Данилевскому он сообщал, что желает обрести «свежесть, которой объемлется душа моя», а сам он «готов идти по пути, начертанному свыше. Надо покорно принимать недуги, веря, что они полезны. Не нахожу слов, как благодарить небесного промыслителя за мою болезнь».

По мере дальнейшего развития болезненных явлений увеличивается и его религиозность. Друзьям говорит, что он теперь без молитвы не приступает «ни к какому делу».

Молитва есть лучшее утешение, когда страдания становятся невыносимо мучительными. В 1842 году на религиозной почве

Гоголь знакомится с набожной старушкой Надеждой Николаевной Шереметевой (дальняя родственница графов). Она в это время была крайне удручена ссылкой своего зятя декабриста Якушкина. Узнав, что Гоголь часто посещает церковь, читает церковные книги, помогает бедным людям, она прониклась к нему уважением. Они нашли общий язык и до самой ее смерти переписывались. В 1843 году 34-летний Гоголь пишет друзьям: «Чем глубже вглядываюсь я в жизнь свою, тем лучше вижу чудное участие Высшей силы во всем, что касается меня».

Набожность Гоголя с годами все больше углублялась. В 1843 году его приятельница Смирнова заметила, что он «до того погружен в молитвы, что не замечает ничего вокруг». Он стал утверждать, что его «создал Бог и не скрыл от меня назначения моего». Затем написал из Дрездена странное письмо Языкову, с недомолвками и неоконченными фразами, нечто вроде заклинания: «Есть чудное и непостижимое. Но рыдания и слезы глубоко вдохновенны. Я молюсь в глубине души, да не случится с тобой сего, да отлетит от тебя темное сомнение, да будет чаще на душе твоей светлость, какой объят я сию минуту».

С 1844 года стал говорить о влиянии «нечистой силы». Аксакову пишет: «Ваше волнение – это дело черта. Эту скотину бейте по морде и не смущайтесь. Хвалился черт всем миром владеть, да Бог не дал власти». В другом письме советует Аксакову «читать ежедневно «Подражание Христу», а по прочтении предайтесь размышлению». В письмах все больше звучит поучительный тон проповедника. Библию стал считать «высшим созданием ума, учителем жизни и мудрости». Стал всюду носить с собой молитвенник, бояться грозы, считая ее «наказанием Божьим». Однажды в гостях у Смирновой читал главу из второго тома «Мертвых душ», и в это время неожиданно разразилась гроза. «Невозможно представить, что стало с Гоголем, – вспоминала Смирнова. – Он трясся всем телом, прекратил чтение, а позже объяснил, что гром – это гнев Бога, который погрозил ему с неба за то, что читает неоконченное произведение».

Приезжая в Россию из-за границы, Гоголь обязательно посещал Оптину пустынь (обитель). Познакомился с епископом, с настоятелем и братией. Стал опасаться, что Бог покарает его за «кощунственные произведения». Эту мысль поддерживал священник Матфей, который внушал, что в загробной жизни за такие сочинения его будет ждать страшная кара. В 1846 году один из знакомых Гоголя, Стурдза, увидел его в Риме в одной из церквей. Он усердно молился, клал поклоны. «Я нашел его искушенным огнем страданий душевных и телесных и

стремящегося к Богу всеми силами и способами своего ума и сердца», – писал в своих воспоминаниях Стурдза.

Несмотря на страх перед наказанием Божьим, Гоголь продолжает работать над вторым томом «Мертвых душ». Будучи за границей в 1845 году, 36-летний Гоголь получил уведомление о принятии его 29 марта в почетные члены Московского университета: «Императорский Московский университет, уважая отличие в учебном свете и заслуги в литературном труде по части русской словесности Николая Васильевича Гоголя, признает его почетным членом с полной уверенностью в содействии Московскому университету во всем, что успеху наук может способствовать»[30]. В этом важном для него акте Гоголь усмотрел тоже «промысел Божий».

С середины 40-х годов Гоголь стал находить много пороков в себе. В 1846 году составил молитву для себя: «Господи, благослови на сей грядущий год, обрати его весь в плод и труд многотворный и благотворный, весь на служение тебе, весь на спасение души. Осени светом высшим своим и прозрением пророчества великих чудес твоих. Да снидет на меня Святой дух и двигнет устами моими и уничтожит во мне греховность, нечистоту и гнусность мою и обратит меня в свой храм достойный. Господи, не отлучайся от меня».

С целью очищения от грехов Гоголь предпринимает в начале 1848 года поездку в Иерусалим. Перед поездкой посетил «Оптину пустынь» и просил священника, настоятеля и братию молиться за него, послал деньги Матфею, чтобы он «молился за его телесное и душевное здоровье» на все время его поездки. В «Оптиной пустыне» он обратился к старцу Филарету: «Ради самого Христа молитесь обо мне. Просите настоятеля и всю братию молиться. Путь мой труден».

Прежде чем отправиться к святым местам в Иерусалим, Гоголь написал для себя заклинание в виде обращения к Богу: «Душу его наполни благодатной мыслью во все время его поездки. Удали от него духа колебания, духа суеверия, духа помыслов мятежных и волнующих пустых примет, духа робости и боязни». С этого времени у него появляются идеи самообвинения и самоуничижения, под влиянием которых он пишет послание своим соотечественникам: «В 1848 году небесная милость отвела руку смерти от меня. Я почти здоров, но слабость возвещает, что жизнь на волоске. Знаю, что нанес огорчение многим, а других восстановил против себя. Моя поспешность была причиной того, что мои произведения предстали в несовершенном виде. За все, что встретится в них оскорбительного, прошу простить меня с тем великодушием, с каким только русская душа прощать может. В

моем общении с людьми было много неприятного и отталкивающего. Отчасти это происходило от мелочного самолюбия. Прошу простить соотечественников литераторов за мое неуважение к ним. Прошу прощения у читателей, если в книге встретится что-либо неудобное. Прошу выставить все мои недостатки, какие есть в книге, мое неразумение, недомыслие и самонадеянность. Прошу всех в России молиться за меня. Я же у гроба Господня буду молиться за всех соотечественников»[31].

Одновременно Гоголь пишет завещательное распоряжение следующего содержания: «Находясь в полном присутствии памяти и в здравом рассудке, излагаю свою последнюю волю. Прошу помолиться о душе моей, угостить обедом нищих. Завещаю не ставить над моей могилой никаких памятников. Завещаю никому не оплакивать меня. Грех на душу возьмет тот, кто будет почитать смерть мою значительной утратой. Прошу не предавать меня земле, пока не появятся признаки разложения. Упоминаю об этом потому, что во время моей болезни на меня находят минуты жизненного онемения, сердце и пульс перестают биться. Завещаю моим соотечественникам книгу мою под названием «Прощальная повесть». Она была источником слез никому не зримых. Не мне, худшему из всех, страждущему тяжкой болезнью собственного несовершенства, произносить такие речи»[32].

По возвращении из Иерусалима он пишет письмо Жуковскому: «Я удостоился провести ночь у гроба Спасителя и приобщился «святых тайн», но не стал лучше». В мае 1848 года поехал к родным в Васильевку. Со слов сестры Ольги, «приехал со скорбным лицом, привез мешочек с освященной землей, иконки, молитвенники, сердоликовый крестик». Будучи у родных, ничем не интересовался, кроме молитв, посещал церковь. Друзьям писал, что после посещения Иерусалима увидел у себя еще больше пороков. «У гроба Господня я был как будто за тем, чтобы почувствовать, как много во мне холода сердечного, себялюбия и самомнения».

Вернувшись в Москву, посетил в сентябре 1848 года писателя С. Т. Аксакова, который заметил резкую перемену в нем: «Неуверенность во всем. Не тот Гоголь». В такие дни, когда по его словам, «наступало освежение», он писал второй том «Мертвых душ». Первый вариант книги он сжег в 1845 году, чтобы написать лучший. При этом объяснил: «Чтобы воскреснуть, надо умереть». К 1850 году он написал 11 глав уже обновленного второго тома. Хоть он и считал свою книгу «греховной», но не скрывал, что у него материальные соображения: «много долгов московским литераторам», с которыми хотел расплатиться.

В конце 1850 года предпринял поездку в Одессу, так как зиму

в Москве переносил плохо. Но и в Одессе чувствовал себя не лучшим образом. Временами были приступы меланхолии, продолжал высказывать идеи самообвинения и бред греховности. Был рассеян, задумчив, усердно молился, говорил о «страшном суде» за гробом. По ночам из его комнаты «слышались вздохи» и шепот: «Господи, помилуй». Плетневу из Одессы писал, что ему «не работается и не живется». Стал ограничивать себя в еде. Похудел, выглядел плохо. Однажды приехал ко Льву Пушкину, у которого были гости, которых поразил его изможденный вид, а бывший среди них ребенок, увидев Гоголя, расплакался.

Из Одессы в мае 1851 года Гоголь поехал в Васильевку. По воспоминаниям родных, во время пребывания у них ничем не интересовался, кроме молитв, читал ежедневно религиозные книги, с собой носил молитвенник. Со слов сестры Елизаветы, был замкнутым, сосредоточенным на своих мыслях, «стал холодным и равнодушным к нам».

Идеи греховности все больше укреплялись в его сознании. Перестал верить в возможность очищения от грехов и в прощение от Бога. Временами становился тревожным, ждал смерти, ночью плохо спал, менял комнаты, говорил, что ему мешает свет. Часто молился, стоя на коленях. В то же время вел переписку с друзьями. Видимо, испытывал одержимость «нечистой силой», так как одному из друзей писал: «Черт ближе к человеку, он бесцеремонно садится на него верхом и управляет, заставляя делать дурачества за дурачествами».

С конца 1851 года и до смерти Гоголь из Москвы не выезжал. Жил на Никитском бульваре в доме Талызина в квартире Александра Петровича Толстого. Был полностью во власти религиозных чувств, повторял заклинания, написанные им еще в 1848 году: «Господи, отгони все обольщения лукавого духа, спаси бедных людей, не дай лукавому возвеселиться и овладеть нами, не дай врагу поглумиться над нами». Из религиозных соображений стал соблюдать пост даже не в постные дни, очень мало ел. Читал только религиозную литературу. Переписывался со священником Матфеем, который призывал его к покаянию и к подготовке к загробной жизни. После смерти Хомяковой (сестра его умершего друга Языкова) стал говорить, что он готовится к «страшной минуте»: «Все для меня кончено». С этого времени стал покорно ждать конца своей жизни.

Глава 13
Осуждение гения

В 1846 году Гоголь написал книгу «Выбранные места из переписки с друзьями» и стал торопить издателей с ее опубликованием. Он ожидал, что она произведет сенсацию в обществе, что своим раскаянием и бичеванием своего имени он очистится от грехов и заслужит уважение и снисхождение к нему читателей.

Гоголь рассчитывал, что его исповедь примирит его с теми читателями, которые были недовольны его сатирой. В этой книге он раскаивался в том, что в своих произведениях отразил пороки некоторых людей. Себя называет «дрянью, наполненной всякой гадостью», а свои произведения «писал в пору глупой молодости», и они получили незаслуженную похвалу. Творчество, которое принесло ему известность и признание, стало тяготить его. Он пишет, что разочаровался в себе и «пришел к заключению, что могу принести больше вреда, нежели пользы».

Бредовые идеи греховности и самоуничижения заставили его усомниться в художественной ценности своих произведений, и он стал считать их «кощунственными и оскорбительными» для людей. В своей книге бичует себя за них. Он просит издателя отпечатать книгу «Выбранные места из переписки с друзьями» как можно быстрее, на хорошей бумаге, четкими буквами. «Книга эта разойдется более, чем все мои прежние сочинения», – утверждал он. После выхода книги стал с нетерпением ждать отзывов.

Гроза разразилась сразу же после выхода книги, которая вызвала или осуждение, или недоумение – и почти ни одной похвалы. На Гоголя посыпались обвинения в отступничестве от истины, от своего творчества, в измене искусству.

Одним из первых отозвался писатель С. Т. Аксаков. 27 января 1847 года он пишет Гоголю: «Если это шутка, то успех превзошел все ожидания. Вы совершенно сбились, запутались, противоречите сами себе. Думая служить небу и человечеству, вы оскорбляете и Бога, и человека». Сыну своему Аксаков писал: «Самое лучшее, что можно сказать о книге, это назвать Гоголя сумасшедшим. Гоголь точно помешался, в этом нет сомнения». В. П. Боткин писал П. В. Анненкову по поводу книги: «Можете себе представить, какое странное впечатление произвела книга Гоголя. Все журналы отозвались о ней, как о произведении человека больного или полупомешанного».

Брат А. О. Смирновой написал Гоголю: «Публика вас любила

и превозносила. Теперь не знаю, любит ли, но ни в коем случае не превозносит. Вас или бранят, или сожалеют, или подшучивают». Один из лучших друзей Гоголя, Прокопович, написал ему: «Одни считают тебя святым человеком, для которого раскроются двери рая в будущей жизни. Другие приписывают издание книги денежной выгоде и расчету. А третьи относят ее к расстройству твоего здоровья и оплакивают потерю гениального писателя».

Но самый беспощадный приговор книге вынес талантливый русский критик В. Г. Белинский. Всегда прямой и резкий, он не щадил самолюбия тех, кого критиковал, не пощадил и Гоголя, хотя и подозревал у него наличие душевного расстройства. Белинского, как патриота своего отечества, не могло не беспокоить отступление от истины, от художественной правды. Он был защитником не только литературных ценностей, но и нравственной чистоты человека. Для него справедливость и порядочность во всем были превыше всего. «Нельзя молчать, когда под покровом религии проповедуют ложь и безнравственность, – писал он в своей критической статье в журнале «Современник». – Мрачный аскет, мистик, суровый обличитель чужих недостатков и лживый эгоист. Сеятель мрака и лжи. Гнев отуманил глаза ваши и ничего не дал увидеть в настоящем смысле… Проповедник кнута, апостол невежества, поборник обскурантизма и мракобесия, панегирик татарских нравов, что вы делаете? Я любил вас, как надежду и славу, одного из великих вождей на пути развития прогресса. Великий писатель, который своим творчеством воздействовал на самосознание, является с книгой, в которой во имя Христа и церкви учит помещиков наживаться на крестьянах. Вы утверждаете, что для простого человека грамота вредна, а некоторые считают вашу книгу плодом умственного расстройства, близкого к сумасшествию. Некоторые считают, что книга выпущена с целью попасть в наставники к сыну наследника. Человек, бьющий ближнего по щекам, вызывает недоумение, а бьющий по щекам самого себя – возбуждает презрение. И что за фраза – “дрянь и тряпка стал человек”. Вам следует отречься от вашей книги и искупить вину новыми творениями».

Гоголь был обескуражен такими отзывами, но в силу религиозных убеждений и ригидности (отсутствие гибкости) мышления, которая была замечена у него еще в гимназии, считал свой шаг необходимым. Он полагал, что выставив на суд общественного мнения свои «грехи, мерзость и гнусность свою», он реабилитирует себя в глазах читателей. В книге он беспощадно бичевал самого себя: «У гроба Господня я почувствовал презренную слабость моего характера, мое подлое

малодушие. Чтобы избавиться от своих дурных свойств, я стал наделять своих героев, помимо их собственной гадости, своей собственной дрянью». Находясь за границей, Гоголь пишет Жуковскому 6 марта 1847 года: «Появление книги разразилось в виде какой-то оплеухи публике, друзьям, мне самому. Здоровье мое расстроено, ночи не сплю. Книга будет лежать на моем столе, чтобы я мог видеть свое неряшество».

Белинскому Гоголь ответил вскоре после опубликования письма: «Статью вашу в «Современнике» прочел. В ней слышен голос человека, на меня рассердившегося. Как получилось, что на меня рассердились все до единого в России? Я думал, в книге зародыш примирения, а не раздора… Вы применяете слова, чтобы унизить меня и осмеять. Все это вынесет душа моя, хоть не без боли и потрясения. Но мне тяжело, очень тяжело. Я вас считал за доброго человека. Книга нанесла мне поражение, но на то Божья воля».

Весь 1847 год Гоголь находился в подавленном состоянии духа. «Душа моя уныла, – писал он из Франкфурта Аксакову, – отношения стали тяжелы со всеми друзьями и с теми, кто, не узнав меня, поспешил подружиться со мной. Как я не сошел с ума от бестолковщины?.. Сердце мое разбито и деятельность отнялась. Тяжело оказаться в вихре недоразумений. Мне следует отказаться от пера и от всего удалиться».

10 августа 1847 года он пишет новое письмо Белинскому: «Душа моя изнемогла, все во мне потрясено. Но может быть, в ваших словах и есть доля правды».

Несмотря на беспощадную критику его книги, Гоголь продолжает придерживаться своего собственного взгляда. 28 апреля 1847 года он пишет друзьям: «Появление книги есть для меня слишком важный шаг, в ней видно, в какой степени находится душевное состояние человека. Жаль, что в книгу не попали мои письма к государственным людям. Иначе меня разбранили бы еще больше. Чтобы обнаружить многое внутри России, я выпустил заносчивую книгу, которая заставила встрепенуться всех. Русского человека пока не рассердишь – говорить не заставишь». Он хотел шутливостью сгладить невыгодное впечатление от книги.

Князь Вяземский решил смягчить резкость обвинений в адрес Гоголя. «Все эти глашатаи, которые шли около него или за ним, своими хвалебными восклицаниями озарили в его глазах опасность и ложность избранного пути, – писал он. – С благородной решимостью и откровенностью он круто свернул с избранного пути и спиной обратился к поклонникам. Перелом был нужен, но может быть, не такой внезапный и крутой. На его

душу обратились все грехи, коими означены последние годы нашего литературного падения».

В ответе Вяземскому Гоголь пишет: «Тронут соучастием, хоть вы слишком сурово отозвались о некоторых моих нападателях, особенно тех, кто прежде меня восхвалял. Но мне кажется, мы действуем не против “нечистой силы”, подталкивающей нас на грехи и заблуждения, а против самих людей, которых подталкивает “нечистая сила” на грехи». До самого конца 1847 года Гоголь объясняется в письмах с читателями по поводу своей книги.

27 декабря 1847 года он пишет из Неаполя Жуковскому: «Выпустив книгу, я поспешил, не подумавши, и мог сбить с толку многих. Я увидел, где перешел в излишество, в которое попадает всякий, идущий вперед человек. Суждения показали мне мое место и границы. Не мое дело поучать проповедями. Мое дело говорить живыми образами. Искусство есть примирение с жизнью, водворение в душе стройности и порядка, а не смущения и расстройства».

В письме к художнику Иванову он пишет из Неаполя: «“Выбранные места” есть плод патологического творчества. Нападения на книгу мою отчасти справедливы. Я ее выпустил весьма скоро после моего болезненного состояния, когда ни нервы мои, ни голова не пришли в надлежащий порядок».

Даже в начале 1848 года внимание Гоголя было все еще приковано к отзывам о книге. 12 января 1848 года в письме отцу Матфею, написанном им из Неаполя, он сообщает: «Книга моя есть произведение моего переходного душевного состояния».

Чаадаев тоже попытался смягчить критику: «Он нас немного обманул. Что вы хотите, чтобы человек, закуренный со всех сторон ладаном, не зазнался? Недостатки книги принадлежат не ему, а тем, кто его превозносил до безумия, кто пресмыкался перед ним, как перед высшим проявлением русского духа, которые ожидали от него какого-то преображения русского слова. Главная беда от его поклонников, которые его чрезмерно возвеличили. Но он тот же гениальный человек. Он и в болезненном состоянии души, в котором теперь находится, выше всех своих хулителей и когда захочет, сокрушит их одним словом. Все, что сказано о книге, исполнено какой-то странной злобы против автора. Ему как будто не могут простить, что веселивший нас столько времени, он вздумал поговорить с нами не в шутку. На меня находит грусть, когда я вижу злобу против любимого писателя за то, что перестал нас тешить и с чувством скорби исповедуется перед нами».

После ознакомления с этим письмом Гоголь, по непонятной

причине, стал избегать встреч с Чаадаевым, а когда по настойчивой просьбе друзей был привезен на встречу с ним, повел себя странно. Прошел, ни на кого не глядя, в глубину комнаты, сел на диван и весь вечер сидел молча, с закрытыми глазами, и так же молча ушел. Возможно, у него в это время был, по его выражению, приступ «жизненного онемения», во время которого он не мог общаться с людьми. Но его не поняли. А нужно было глубже заглянуть в его страдающую душу и увидеть явные болезненные изменения в характере и поведении.

В одном из писем Гоголь сам признал свою книгу «плодом патологического творчества». Те, кто выступал с осуждением книги, осуждали, в сущности, его душевную болезнь, которая все больше стала влиять на его мысли, на его поведение, на его творчество. После всех неприятностей Гоголь впал в депрессию.

Формально Гоголь согласился с критикой, но фактически остался при своем мнении. Он все больше находил в себе недостатков и считал, что за сатиру на людей должен нести ответственность. Он стал искать способ, как наказать себя за грехи. И вскоре нашел такой способ, который ему подсказало его больное воображение.

Идеи самообвинения и самоуничижения были еще до выпуска книги «Выбранные места». Он пишет 14 декабря 1844 года из Франкфурта Шевыреву: «Я виноват во всем, я произвел путаницу и ералаш. Я смутил и взбаламутил всех, произвел на всех чувство неудовольствия, поставил в неприятное положение людей. Виноватый должен быть наказан. Я наказываю себя лишением денег, следующих мне за выручку от собственных сочинений. Я не был бы спокоен, если бы употребил эти деньги в свою пользу. Всякий рубль и копейка, купленные неудовольствием, огорчениями и оскорблениями многих, должны быть употреблены на святое дело. Все деньги будут принадлежать бедным студентам. Получившие деньги не должны знать, от кого они, ни при жизни моей, ни после смерти»[33].

Гоголю и раньше был присущ альтруизм (бескорыстная забота о благе других) и не только ему, а всей его семье, особенно матери. Но в данном случае Гоголь действовал скорее из религиозных соображений, а также под влиянием бреда самообвинения и греховности. В периоды депрессии заявлял, что он «мерзкий и гнусный»: «Благодарю Бога, что сподобил меня узнать мерзости. Если есть во мне какая капля ума, не свойственная другим людям, то это от того, что я побольше всматривался в эти мерзости».

Особенно тяжело было Гоголю сознавать, что испортились отношения с друзьями. «Мое сердце разбито, – писал он тем, кого

считал лояльными по отношению к нему. – Можно вести брань с врагами, но храни Бог от такой страшной битвы с друзьями».

Не знал Гоголь, что гениям не прощают ошибок, просчетов даже малейшего снижения уровня творчества. В тот период немало выходило низкопробных сочинений, но их не критиковали, так как это был уровень их авторов, выше которого они не могли подняться. Но гений должен всегда оставаться гением, даже если он тяжело болен. Отступление гения от избранного им пути в обществе принимают за измену идеалам.

Гоголь перед тем, как издать книгу, жаловался и друзьям, и недругам, что он «болен душой и телом, голова деревянная, ошеломленная, я не в состоянии даже чувствовать. Всякий час должен себя приневоливать, а не насильно почти ничего сделать нельзя».

В последние годы аффективные колебания у Гоголя хоть и продолжались, но они все чаще уступали место кататоническим проявлениям и бредовым расстройствам (бреду греховности и самоуничижения). Гримасы на лице Гоголя окружающие принимали за его пренебрежительное отношение к ним, хотя это были гримасы болезни. Его «бестактное», по их мнению, поведение на вечере у Хомякова и в трактире (описанные выше), также восприняли как оскорбительное, хотя это было лишь признаком его душевной болезни.

Несмотря на частые приступы «жизненного онемения», которые лишали его возможности выполнять творческую работу, он ежедневно становился за конторку и записывал мысли. Но они его не удовлетворяли, он считал их не такими оригинальными, как раньше, повествование не всегда сохраняло свою прежнюю неповторимость. То, что раньше давалось без труда, теперь требовало больших усилий воли и ума.

В 1850 году Гоголь жалуется Смирновой: «Не пойму, что со мной происходит. Ничего не могу написать. Ошибаюсь, пропускаю, недописываю, надписываю сверху». Гоголь, который всегда был, по мнению друзей, равнодушен к женскому полу и сам не привлекал к себе внимание дам, как из-за своей скрытности, так и из-за непривлекательной внешности, вдруг в 1850 году, на 42-м году жизни, удивил всех своим сватовством к младшей дочери графов Виельгорских Анне (ее брат Иосиф умер в 1839 году на его руках).

Накануне Гоголь прислал своей избраннице послание следующего содержания: «Я много выстрадал с тех пор, как расстался с вами в Петербурге. Изныл душой, и состояние мое так было тяжело, как не умею вам сказать. Оно было еще тяжелее от того, что мне некому было его объяснить, не у кого попросить

совета или участия. Близким друзьям не мог доверить, так как сюда замешаны отношения к вашему дому. Наши отношения с вами не таковы, чтобы вы смотрели на меня, как на чужого»[34].

Весной 1850 года через В. А. Соллогуба (муж ее сестры Софьи) Гоголь делает официальное предложение. «Ваше предложение не будет иметь успеха», – ответил ему Соллогуб. В свой салон Виельгорские – мать Анны, Луиза Карловна Бирон, внучка знаменитого герцога Эрнеста Иоганна Бирона (фаворит императрицы Анны Ивановны), и отец Михаил Юрьевич – допускали только высокопоставленных лиц. А Гоголь был всего лишь сочинителем, не имевшим ни своего угла, ни постоянного дохода, – ничего, кроме имени. В свой салон они его больше не приглашали.

Непонятно, с чем был связан такой шаг Гоголя, толкнувший его к сватовству, явно не соответствовавшему его положению. Некоторые считали, что причина была в его религиозных убеждениях, а не в сердечной привязанности. Друзьям он свой поступок объяснил так: «У нее есть то, чего я не знал ни у одной женщины. У нее не ум, а разум, ее скоро не узнаешь, у нее все внутри».

Люди из его окружения считали, что он имел сердечную привязанность не к Анне, а к своей замужней приятельнице Александре Осиповне Смирновой (Россет). За несколько лет до своей смерти он писал о ней: «Это перл всех русских женщин. Как ни уважал, как ни ценил ее, как ни был дружен, но только в одни страждущие минуты я узнал ее. Она явилась истинным утешителем, в то время как чье-либо слово вряд ли меня утешило бы. Подобно двум близнецам-братьям были сходны наши души между собой».

Аксаков был уверен, что Гоголь любил Смирнову: «Сам того не ведая, он был неравнодушен к Смирновой, блестящий ум, живость ее были очаровательны». Смирнова и сама заметила повышенное внимание к ней Гоголя и однажды сказала, что он влюблен в нее. Гоголь смутился и не появлялся у нее в доме 2 недели. До конца дней ему не суждено было создать свою семью, свой домашний очаг.

Глава 14
Последний этап жизни

Последние годы жизни Гоголь находился в плену своей болезни. Она руководила его поведением и творчеством. Душевное состояние его значительно ухудшилось после обвинений в его адрес по поводу содержания книги «Выбранные места из переписки с друзьями», когда всеобщее поклонение уступило место почти всеобщему осуждению. Никто из его окружения тогда не понимал, что на свое творчество он смотрел теперь через призму своего болезненного воображения. Бредовые идеи греховности и самоуничижения заставили его усомниться не только в художественной ценности своих произведений, но посчитать их кощунственными, оскорбительными для людей. Ему все труднее становилось преодолевать болезненные приступы. Все чаще голову сжимала распирающая боль, настолько интенсивная, что лишала его возможности работать. Все чаще появлялись приступы тоски или «оцепенения», и душа его, полная тревоги и смятения, металась и билась о непроницаемую тьму тяжелых мыслей.

Сама жизнь казалась теперь ему тяжким бременем. Временами на его лице с застывшей мимикой появлялось отрешенное выражение. Оно редко оживлялось искрой веселья. «Голова моя страдает всячески, если в комнате холодно, мои мозговые нервы ноют и стынут. Вы не представляете, какую муку я чувствую всякий раз, когла стараюсь пересилить себя, взять власть над собой и заставить голову работать, – писал он друзьям. – Если в комнате натопленный жар, он меня душит совершенно. А всякое движение производит странное ощущение в голове – как будто она хочет треснуть. Как сильно я могу страдать, в то время как другие не видят мои страдания!»

Гоголь продолжал жить за границей, то в Италии, то во Франкфурте, то в других местах. Во время его приездов в Россию друзья отметили появление изменений личности. С течением времени эти изменения стали нарастать. 20 февраля 1840 года профессор Московского университета Н. Т. Грановский писал в письме к Станкевичу: «Вчера было чтение у Киреевских. Украшением вечера был отрывок из романа еще не оконченного, читанный Гоголем. Чудо. Это одно из лучших произведений Гоголя. Но как человек он переменился. Много претензий, манерности и что-то неестественное в приемах и движениях, но талант тот же». После опубликования первого тома «Мертвых

душ» в 1842 году он снова уехал за границу и связь с родными и друзьями поддерживал только в письмах, в которых периодически продолжал жаловаться на снижение творческой энергии.

Жуковскому Гоголь писал в 1844 году: «Всякий раз я должен себя приневоливать. А не насильно почти ничего сделать нельзя». Продолжались колебания настроения. Помимо приступов депрессии, его посещали, хоть и не часто, периоды подъема настроения, и он спешил воспользоваться ими для продолжения работы над вторым томом «Мертвых душ». Из Мариенбада, где находился на лечении, он писал Погодину: «Воды помогли, появилась бодрость юности, и, самое главное, я почувствовал, что нервы мои пробуждаются, что я выхожу из летаргического умственного бездействия, в котором находился последние годы, чему причиной было нервическое усыпление. О, какая это радость! Сюжет, который я лениво держал в голове, развернулся в таком величии, что все во мне произвело сладкий трепет, и я переселился в тот мир, в котором давно не бывал, и в ту же минуту засел за работу».

Все 40-е годы продолжались колебания настроения. Мании иногда доходили до экстаза (высшая степень восторга), а депрессии – почти до раптуса («неистовое тревожное возбуждение» – по Снежневскому). Об этом Гоголь сам подробно писал в одном из своих, всегда обстоятельных, писем: «Во время пребывания в Вене я почувствовал, как всякое незначительное приятное чувство превращается в такую страшную радость, какую не в силах вынести природа человека, а всякое сумрачное чувство превращалось в печаль тяжкую, мучительную, а потом следовали “обмороки” и, наконец, совершенное сомнамбулическое состояние. Когда болезнь и без того была невыносимой, нужно ж было получить еще и неприятность, которой и в здоровом состоянии человек бывает потрясен. Сколько присутствия духа нужно было собрать, чтобы устоять. Я устоял, я креплюсь, сколько могу, и никому не показываю, что болен, хотя часто не под силу это скрывать».

Гоголь, зная бессилие современной ему медицины, боролся со своим недугом сам – то усилиями своей воли, то лечением водами, купанием, климатом, но лекарствам не доверял. В 1848 году он вернулся из-за границы в Россию и привез с собой несколько уже готовых глав второго тома «Мертвых душ», отрывки из которых читал друзьям. Написаны они были на высоком художественном уровне, и все поняли, что талант Гоголя не пропал, что он может творить, и стали относиться к нему с прежним уважением. Это было утешением для него. Но это утешение мало отразилось на течении его душевной болезни. Она

продолжала прогрессировать.

Падение творческой энергии и изменения личности стали заметны особенно в 1848 году. Из Иерусалима вернулся, по словам сестры его Ольги, «со страдальческим лицом, чувствовал себя несчастным, часто сидел в оцепенении, утратил сон и аппетит, жаловался на гнетущую тоску. Дом обратился в гроб, ходили на цыпочках, говорили шопотом, все замерло».

Вторая сестра Гоголя, Елизавета, заметила, что он «сильно изменился, ничто его не веселит, серьезен, редко улыбается и такой холодный и равнодушный к нам». В конце 1848 года, когда Гоголь из Васильевки приехал в Москву, его посетил Н. В. Берг и описал впечатление, которое тот на него произвел. Он очень тонко подметил изменение мимики, манерность и вычурность в движениях и походке: «Гоголь ходил из угла в угол, руки в карманах. Походка мелкая, неверная, как будто одна нога спешила заскочить вперед, от чего один шаг был шире другого. В фигуре было что-то сжатое, скомканное. Взгляд бросал туда и сюда, исподлобья и наискосок».

В том же 1848 году Аксаков писал, что Гоголь «изменился сильно в существе своем». Он обратил внимание на необычность его одежды, в которой он встретил его, Жуковского, и доктора Овера. Аксаков пишет, что Гоголь «был в фантастическом уборе: вместо сапог на нем были длинные шерстяные чулки выше колен, вместо сюртука фланелевый камзол, а поверх него бархатный спензер. Шея обмотана шарфом, а на голове красовался малиновый колпак, и он не стеснялся своего наряда».

В 1848 году Гоголь стал уже более открыто говорить о влиянии «нечистой силы». «Черт ближе к человеку, он бесцеремонно садится на него и управляет им, заставляя делать дурачества за дурачествами», – писал он в одном из писем друзьям.

Бредовые идеи греховности, самообвинения и самоуничижения продолжали проникать все больше в его сознание, хоть в письмах он об этом упоминает лишь вскользь и намеками из-за отсутствия их критики. Мысль об искуплении грехов не давала ему покоя, лишала сна. По своим убеждениям и поступкам Гоголь всегда был альтруистом. Он так же, как и его мать, старался помогать бедным. Профессора Шевырева, у которого хранились его сбережения, он просит все его гонорары за сочинения отдавать бедным студентам, несмотря на то, что имел много долгов. В частности, задолжал Аксакову и Погодину крупные суммы денег, к тому же мать не раз обращалась к нему за денежной помощью. Но это не остановило его в своем решении.

Затруднения в творческой деятельности продолжались и в 1849 году. В письме к Смирновой Гоголь жалуется: «Нервы расшатались и ввергли меня в такое уныние, в такую нерешительность, что я весь истомился».

Болезнь наступала на него все больше, изменяя его мышление и поведение, затрудняя его литературную работу, но не затрагивая интеллекта, который оставался довольно высоким. Гоголь понимал свою несостоятельность и крайне болезненно относился к этому. Хотя тупость мысли была скорее кажущейся, как следствие тормозного процесса в головном мозгу.

В 1849 году Гоголь писал Жуковскому: «Мне нужно большое усилие, чтобы написать не только письмо, но даже короткую записку. Не могу понять, что со мной делается, от преклонного ли возраста (ему 40 лет), или от изнурительного болезненного состояния, или от климата». Его все чаще посещали мысли о возможности смерти, о том, что жизнь его «держится на волоске». Зимой в Москве чувствовал себя хуже и зимний сезон 1850–1851 годов провел в Одессе. Оттуда писал родным: «Думал запастись на юге здоровьем надолго, но не тут-то было. Моя работа – это моя жизнь, а мне не работается и не живется». Взлеты вдохновения, на которые он рассчитывал во время пребывания в Одессе, его не посещали. Настроение чаще было подавленным. Но аффективные колебания не отражались на его интеллекте, он оставался высоким. Страдало мышление. Постепенно нарастало изменение личности. Еще в 1840 году это было уже заметно по его поведению и выражению лица. Манерность и вычурность в облике и в движениях были отмечены у него довольно рано.

Душевная болезнь Гоголя, поражая эмоциональную сферу и воздействуя на мышление, не затрагивала его интеллект. Он оставался высоким до конца его дней. Гоголь продолжал работать над вторым томом «Мертвых душ», который завершил к концу жизни, но не спешил публиковать, видимо, из-за амбивалентности и появления бредовых идей самообвинения и греховности.

Профессор Чиж в патографии Гоголя отмечал: «Несмотря на распад душевной деятельности, он даже в последний период жизни превосходил умом обыкновенных людей». Он умел скрывать свое болезненное состояние даже от друзей. За 4 месяца до кончины его посетил в Москве Г. П. Данилевский (земляк Гоголя, в дальнейшем – чиновник при товарище Министра народного просвещения, однофамилец близкого друга Гоголя Александра Данилевского). Гоголь был с ним любезен, охотно говорил о литературе, искусстве. Позже Г. Данилевский вспоминал: «Передо мной был не только не душевнобольной и не

свихнувшийся человек, а тот самый Гоголь, могучий и привлекательный, каким я привык воображать его себе с юности. Передо мной был счастливый вдохновенный художник»[35]. При расставании он попросил Данилевского принести ему стихи А. Н. Майкова.

Знакомые Гоголя отмечали своеобразие его характера и поведения: он не любил спорт, верховую езду и карточную игру, которую считал «бездействием духа», но играл в бильярд.

Аксаков отмечал «необъяснимые странности духа Гоголя». Он писал: «В нем было что-то хохлацкое и плутоватое, что-то отталкивающее, не допускавшее до искреннего увлечения; безусловного и безграничного доверия к своей искренности не имел до самой смерти». В то же время Аксаков утверждал, что рассуждения Гоголя были «свежи, прелестны и благоуханны».

Глава 15
Кончина

В начале 1852 года болезнь Гоголя, не сдерживаемая больше ни волей больного, ни вмешательством медиков, начала быстро прогрессировать. Она все больше одерживала победу над волей и разумом великого писателя. По сведениям тех людей, кто видел его в последние дни жизни, он был замкнут, погружен в свои мысли, почти ни с кем не говорил, молился в комнате, стоя на коленях, слышал какие-то «посторонние голоса», видимо, угрожающего характера, был физически ослаблен, с трудом преодолевал несколько шагов до домашней церкви на богослужение. Не расставался с молитвенником, говорил о воздействии на людей «нечистой силы».

По воспоминаниям его современника Л. И. Арнольди (брат Смирновой по матери), «в последний год жизни бесцеремонность Гоголя бросалась в глаза, говорил о грехах, о возмездии, о загробной жизни… Он постился, как строгий отшельник, и во время говения почти ничего не ел». Иногда удавалось уговорить съесть несколько ложек овсяного супа или капустного рассола. Однажды, по воспоминаниям доктора А. Т. Тарасенкова, съел просфору, после чего сказал, что он «обжора». От постоянного недоедания все больше слабел, с трудом держался на ногах. Целые дни проводил в покаянной молитве, стоя на коленях перед иконой. «По непонятной причине избегал встреч с доктором Ф. П. Гаазом. Временами впадал в мрачное настроение духа».

27 января 1852 года умерла Хомякова (сестра его друга Языкова). Гоголь был крайне напуган, решил, что теперь скоро придет конец и его жизни. Окружающим сказал: «Все кончено для меня». С этого времени – резкое ухудшение состояния, им овладел страх смерти.

6 февраля 1852 года Гоголь совершил малопонятный для его друзей поступок. Поздно ночью в сопровождении одного слуги поехал в Преображенскую психиатрическую больницу. Остановившись у ее ворот, вышел из саней. Молча ходил вдоль забора, потом стоял в снегу около получаса в глубокой задумчивости и, не постучав в ворота больницы, сел в сани и велел возвращаться домой на Никитский бульвар, где снимал жилье в квартире А. П. Толстого.

Врач Шереметевской больницы Алексей Терентьевич Тарасенков (1816–1873), описавший этот эпизод, высказал предположение, что Гоголь хотел посоветоваться с Иваном

Яковлевичем Корейшей, который уже более 30 лет был пациентом этой больницы. Его в Москве считали за «святого провидца», способного предсказывать будущее. Профессор-психиатр Николай Николаевич Баженов (1857–1923) посчитал такое объяснение «невероятным». «Несмотря на мистическое настроение в последние 10 лет, невозможно предположить, чтобы Гоголь был склонен к столь грубым предрассудкам, – писал Баженов. – Он бы посчитал такой поступок греховным». Баженов объяснил это эпизод следующим образом: «Случай разъясняется тем, что Преображенская больница была единственным психиатрическим учреждением в Москве, и Гоголь, почуяв грозящую его душевной жизни катастрофу, бросился туда за помощью и в характерной для его болезни нерешительности остановился перед воротами». Баженов считал, что он «напрасно постучался бы в ту дверь. Психиатрия в тот период была в таком печальном положении, что едва ли исстрадавшийся поэт нашел бы там ту помощь, какую, может быть, искал»[36].

Профессор Баженов был прав в том плане, что недуг Гоголя в тот период невозможно было полностью излечить, но опытный врач В. Ф. Саблер, возглавлявший тогда больницу уже более 20 лет, со своими помощниками врачами-психиатрами Красовским и Сокольским сумел бы разобраться в психическом состоянии Гоголя и оказать необходимую помощь и уж, конечно, не допустил бы гибели от голода. Можно только пожалеть, что присущая Гоголю амбивалентность встала на пути этого спасительного шага.

Психическое состояние Гоголя продолжало ухудшаться. Он почти полностью отказался от еды, говорил, что от пищи «кишки переворачиваются», выпивал только немного воды с красным вином. Постоянно молился. Шептал: «Боже, пусто и страшно стало в твоем мире. Все глухо. Могила повсюду». С 8 на 9 февраля испугался чего-то страшного и решил, что к нему приближается смерть. Ночью почти не спал, а задремав, увидел себя мертвым. Будто бы кому-то из окружения говорил, что слышит голоса, которые сообщили ему о близкой смерти. Просил пригласить священника и соборовать его.

Ночью с 11 на 12 февраля 1852 года Гоголь разбудил мальчика-слугу, велел принести портфель с бумагами, вытащил их из портфеля и бросил в горящий камин. Это был уже оконченный второй том «Мертвых душ» и несколько начатых и неоконченных трудов. Мальчик заплакал и стал умолять Гоголя сохранить бумаги. Но Гоголь сидел у камина до тех пор, пока бумаги полностью не сгорели. Потом пошел в свою комнату, лег на кровать и заплакал. Утром сказал Толстому: «Вот как лукавый

силен. Я думал сжечь другие бумаги, а те раздать друзьям по тетрадке на память. Пусть бы делали что хотели». Толстой попытался его успокоить: «Вы и прежде сжигали, а потом выходило еще лучше».

За несколько дней до этого события Гоголь просил Толстого забрать у него бумаги. Но тот не взял, заявив, что состояние Гоголя не такое уж плохое, чтобы не оставить бумаги у себя. Погодин считал, что это было его жертвоприношение из религиозных соображений. С этого времени Гоголь почти полностью перестал принимать пищу. При попытке покормить сопротивлялся. Не отвечал на вопросы. Сидел неподвижно в кресле с закрытыми глазами. Перестал соблюдать гигиену – не мылся, не умывался, не расчесывался и вскоре полностью впал в состояние «кататонического ступора» (обездвиженность). Одновременно с ухудшением психического состояния ухудшалось и физическое. В связи с отказом от приема пищи все больше нарастали слабость и истощение.

Тарасенков, который видел Гоголя в эти дни, так описал его состояние: «Глаза тусклые, щеки впалые, голос слаб. Он выглядел как человек, для которого все задачи решены, все чувства замолкли. Мне он показался мертвецом». Толстой пригласил самых популярных в Москве врачей. У его постели в последние дни были в разное время или одновременно врачи Федор Иванович Иноземцев (1803–1869), Александр Иванович Овер (1804–1864), Степан Иванович Клименков (1805–1858), Константин Иванович Сокологорский (1812–1890), Александр Егорович Эвениус (1795–1862), Алексей Терентьевич Тарасенков (1816–1873), иногда приезжал И. В. Варвинский.

Интересными были рассуждения врачей у постели Гоголя. Иноземцев предположил, что у Гоголя «катар кишечника», и посоветовал сделать спиртовое растирание живота, дать выпить ревень и лавровишневую воду. Варвинский считал, что у Гоголя гастроэнтерит. Овер посоветовал обращаться с ним, как с человеком, который не владеет собой. Эвениус предложил кормить насильно – «посадить в ванну и приказать: “Ешь!”»

Помимо попыток накормить, были попытки расслабить мускулатуру – мяли мышцы, делали теплую ванну. Но скованность мускулатуры была центрального происхождения, в результате торможения коры головного мозга, и поэтому местные меры эффекта не могли дать. Кроме этого, стали применять излюбленный в то время способ лечения – кровопускания. Ставили пиявки на нос, горчичники к ногам, мушки на затылок. Пригласили врача, владеющего «магнетизмом» (гипнозом), но Гоголь не реагировал на его слова и пассы, оставался

неподвижным, заторможенным. Тарасенков в своей статье пишет, что с Гоголем «обращались как с сумасшедшим, кричали перед ним, как перед трупом, Клименков кричал: “Что болит? Говорите же!” На голову лили едкий спирт… Трудно что-либо предпринять с человеком, который в полном сознании отвергает всякое лечение».

Накануне кончины Гоголя, его посетил Л. И. Арнольди (брат Смирновой по матери). Внешний вид писателя произвел на него удручающее впечатление: «Худой, бледный, волосы спутаны и падали в беспорядке на лоб и глаза. Он тяжело вздыхал, шептал молитвы и смотрел на икону в ногах. Хриплым голосом попросил пить. Ему дали воду с вином. Он смочил губы и упал на подушку».

Слуга, дежуривший у постели Гоголя, видя, что на его глазах погибает человек, предложил (в присутствии Арнольди, который описал этот эпизод) мальчику, сидевшему рядом, свой метод лечения: растормошить Гоголя, взять под руки и поводить по комнате, «чтобы он очнулся», «он разойдется и жить будет, а если так оставить – непременно умрет». Врачи же продолжали лечить его кровопусканиями и пиявками. Ставили мушки, обкладывали льдом голову.

Из наблюдений Тарасенкова – в последний день Гоголь по-прежнему «не отвечал на вопросы, иногда бормотал что-то невнятно, потом сказал: “Дайте лестницу”. Его подняли и посадили в кресло». Но он был настолько слаб, что, по описанию Тарасенкова, «голова падала как у новорожденного, а когда укладывали в постель, у него упали все чувства, пульс перестал биться, он захрипел, глаза раскрылись. Но это был еще не конец, а только кратковременный обморок. После этого лежал молча с закрытыми глазами».

Вечером 20 февраля Тарасенков нашел Гоголя в тяжелом состоянии: «Живот был без содержимого, через него легко прощупывался позвоночник. Лицо осунувшееся, кожа покрыта испариной. В таком состоянии я его оставил, чтобы не сталкиваться с медиками-палачами, убежденными, что спасают человека».

У постели погибающего Гоголя были Овер и Клименков. Снова сделали кровопускание, поставили 8 крупных пиявок, к ногам положили кувшин с горячей водой. Ночью приезжал Клименков и обкладывал тело горячим хлебом.

21 февраля Тарасенков приехал на квартиру Толстого рано, когда других врачей еще не было, и поспешил в комнату Гоголя. Он лежал неподвижно в той же позе, что накануне вечером. Лицо было восковой бледности, губы синюшны. Пульс и дыхание не

определялись. Великий человек был мертв. Кончились его страдания и манипуляции медиков над изможденным телом. Таковы были суровые и страшные последствия его болезни.

Тарасенков пишет, что он «поцеловал лоб и руку усопшего и с сокрушением сердца отправился на службу, вздыхая и стараясь уверить себя, что не наяву видел невозвратную погибель великого художника вместе с его творениями. Необыкновенным человеком был он при жизни, необыкновенной была и его смерть».

Так трагически завершилась жизнь великого писателя и замерла навсегда его изнуренная болезнью душа. Его кончина была печальным закатом жизни великого художника слова.

Глава 16
Диагноз и причина смерти

Вопрос о психическом здоровье Гоголя, несмотря на ясность, которую внесли своими воспоминаниями его современники и сам он в своих письмах к ним, до сих пор волнует читателей и является предметом споров. Ясным этот вопрос представлялся даже не всем психиатрам. Историк Кулиш писал: «Для тех, кто знал Гоголя, он остался несчастным ипохондриком». Аксаков считал, что Гоголь «сгорел от постоянных душевных мук, от тщетных усилий отыскать свою сторону жизни, от необъятной творческой деятельности. Мученик искусства и мученик христианства».

Более 100 лет назад, в 1902 году, талантливый профессор психиатр Н. Н. Баженов, возглавлявший много лет (1904–1916) Преображенскую психиатрическую больницу и кафедру психиатрии Высших женских курсов, писал о болезни Гоголя: «До сих пор загадочна его последняя болезнь. Неизвестно, страдал ли он душевным заболеванием и от чего умер»[37]. В то же время Баженов поставил ему совершенно определенный диагноз. Он писал: «Гоголь был субъектом невропатической конституции. Он страдал той формой душевной болезни, которая в нашей науке носит название периодического психоза в форме так называемой “периодической меланхолии”. Он скончался в течение приступа меланхолии от истощения и малокровия мозга, обусловленных не самой формой болезни, а неправильным лечением – кровопусканиями. А нужно было делать обратное, т. е. употребление насильственного кормления и вливание соляного раствора»[38].

Но при этом автор не заострял внимания на других не менее важных симптомах. Возможно, он не хотел публично признать, что Гоголь страдал тяжелой формой психического заболевания, чтобы не омрачать светлого и дорогого россиянам имени писателя. Расстройство психики в те годы чаще фигурировало в народе под названием «сумасшествие». Это название, против которого возражал Баженов, употребляли и биографы Гоголя. «Сумасшествие» в первой половине XIX века считалось почти позорным клеймом. Такие больные в народе вызывали больше любопытства, чем сочувствия. Современник Гоголя великий Пушкин всегда боялся сумасшествия. Он писал: «Не дай мне Бог сойти с ума. Нет, легче посох и сума…» Профессор Баженов совершенно справедливо считал, что «Гоголь осознавал свою

болезнь почти до конца своих дней». Он «точно оценивал свой душевный недуг, так определенно и категорически различал свои психические страдания от телесных недомоганий, что становится удивительным, что на этот счет еще оставались сомнения и недоумения у друзей. Это можно объяснить несовершенством учения о душевных болезнях в эпоху Гоголя, невежеством в психиатрии современных ему врачей», – писал Баженов. Он с осторожностью относился к высказываниям Шенрока и Аксакова о болезни Гоголя, когда писал: «Ни Аксаков, ни Шенрок некомпетентны судить о степени душевного недуга», так как они «не были компетентны в медицине». Но их высказывания были важны в том плане, что помогали узнать о существовавшем тогда мнении по этому вопросу. В 1903 году профессор-психиатр В. Ф. Чиж в патографии Гоголя опроверг обоснованность диагноза, поставленного Баженовым. «Слишком много болезненных признаков, которые не укладываются в рамки периодической меланхолии, – писал он. – В его болезни можно найти и признаки периодического психоза и паранойи… Признаки его болезни не совпадают ни с одним диагнозом, известным в медицине… Точный диагноз болезни Гоголя не имеет значения, да и едва ли он возможен. В современной психиатрии нет общепринятой классификации, ни даже номенклатуры психических болезней. Разве не все равно, страдал ли он периодической меланхолией или дегенеративным помешательством»[39]. Чиж склонялся к диагнозу «дегенеративного помешательства» на том основании, что помимо резких колебаний настроения, ипохондрии, заторможенности «у Гоголя, по всей видимости, были обманы чувств», – писал он. Итальянский профессор-психиатр Ломброзо (конец XIX века) полагал, что Гоголь умер «от истощения сил или скорее от сухотки спинного мозга». Баженов посчитал это утверждение «безосновательным». У биографа Гоголя В. М. Шенрока была своя точка зрения на страдания писателя: «Последнее десятилетие жизни Гоголя представляло картину медленного, тяжелого и упорного процесса физического разрушения наряду с явлениями упадка таланта и болезненного напряжения религиозного экстаза. Нелепо повторять избитую легенду о сумасшествии Гоголя, так долго державшуюся в публике, но нельзя отрицать и нарушение душевного равновесия. Никто из знакомых не признавал наличия у него психического расстройства, хотя С. Т. Аксаков считал его возможным в будущем. Но не было и тех, кто решился бы утверждать, что в последние годы не замечали резких перемен, и это впечатление не может быть не принято в расчет при суждении о последних

годах. Усиление душевных недугов и страданий бесспорно, но дошло ли оно до степени умственных болезненных переживаний, это вопрос»[40].

Сам Гоголь называл свою болезнь «периодической». Он писал своему современнику Дондукову в одном из писем: «Овладела мною моя обыкновенная периодическая болезнь, во время которой я остаюсь как бы в неподвижном состоянии в своих покоях в продолжение двух-трех недель». Популярные московские врачи, наблюдавшие и лечившие Гоголя в последние дни его жизни (Овер, Полунин, Варвинский, Тарасенков, Эвениус, Сокологорский, Клименков и др.), не были психиатрами. Среди них были хирурги, окулисты, терапевты, и они ставили соматические или неврологические диагнозы. Многообразие проявлений болезни Гоголя, трансформация синдромов затрудняли трактовку диагноза. Некоторые авторы вообще отрицали наличие душевного заболевания у Гоголя на том основании, что, по их мнению, психическое расстройство не могло привести к гибели. Врач Шереметевской больницы Алексей Терентьевич Тарасенков, присутствовавший при последних днях и часах жизни Гоголя, хоть и не был психиатром, но в своей практике иногда наблюдал таких больных, о чем свидетельствуют опубликованные им статьи: «Помешательство ума после холеры», «Об умалишенном, у которого после смерти найден кусок дерева в желудке», «Несколько случаев перемежающегося сумасшествия». Но это были единичные наблюдения, а с такими психическими расстройствми, как у Гоголя, ему, видимо, не приходилось сталкиваться. Остается загадкой, почему врачи не заподозрили душевную болезнь, о которой говорила вся Москва, и не пригласили на консультацию психиатров. Терапевт Александр Иванович Овер, к которому Гоголь иногда обращался с жалобами на «прекращение работы кишечника и желудка, замедление пульса, похолодание конечностей, на боли в разных частях тела», говорил коллегам: «Несчастный ипохондрик. Не приведи бог его лечить. Это ужасно».

После смерти Гоголя свои рассуждения о его болезни написал врач А. Т. Тарасенков: «Одни называли болезнь “нервической лихорадкой”, другие воспалением в мозгу, третьи – расстройством умственных способностей и считали, что умер голодной смертью. В Гоголе все имело особый характер, и болезнь его выходила из ряда обыкновенных, часто встречающихся, ее трудно выразить одним словом и назвать по имени. Я сам в недоумении от всего, что касается натуры Гоголя. Признаки болезни состояли в болезненной чувствительности живота, неправильном отделении кишечника, при этом ощущал

слабость сил и упадок духа. Можно предположить ипохондрию, но, в отличие от нее, он не любил лечиться. Можно назвать болезни тиф, гастроэнтерит, мания религиоза, что и было сделано. Трудно признать тиф за нервную горячку, он имеет другие признаки. На воспаление мозга (менингоэнцефалит) указывают многие симптомы, но не было ни конвульсий, ни параличей. Нельзя говорить, что умер от голода, так как не вовсе был лишен пищи, исключая последние три дня. Нет причин предполагать и сумасшествие, так как был в сознании и памяти. Из всего каталога болезней трудно выбрать одну. Само творчество потрясло его здоровье»[41].

Доктор Иноземцев, приглашенный к умирающему Гоголю в качестве консультанта, расценил заболевание предположительно как «катар кишок». Поразительно, что Гоголь, незнакомый с психиатрией, но, как мастер слова, дал описание своих болезненных проявлений почти с точностью психиатра-профессионала. Современным психиатрам остается только применить к этим описаниям соответствующую терминологию.

Даже 100 лет спустя после смерти Гоголя психиатры затруднялись поставить точный диагноз заболевания Гоголя. Интересны рассуждения профессора-психиатра А. Н. Молохова из Кишиневского университета, он писал в 1967 году: «Никаких кататонических проявлений у Гоголя не было. Поведение до конца оставалось продуманным. Убеждение в неизбежности смерти диктовалось направленностью мышления, обусловленное тревогой и отчасти слуховыми галлюцинациями. Эмоциональность была напряжена. Инстинкт самосохранения угас. В современной психиатрической систематике еще нет такого очерченного заболевания, к которому уверенно можно было бы отнести болезнь Гоголя. Много данных за вялый шизофренический процесс, протекающий в виде его простой апатической формы… Не просто устранить распространенное среди психиатров мнение о шизофрении Гоголя. Главным документом, говорящим против шизофрении, остаются его адекватные письма к матери».

После анализа болезненных проявлений профессор Молохов делает вывод: «Болезнь нужно определить как патологическое развитие личности с паранойяльным изменением мышления»[42].

Авторы книги «Экспедиция в гениальность» (1999), согласуясь с профессором психиатром Дмитрием Евгеньевичем Мелеховым, пишут: «Нозологическая трактовка болезни Гоголя до сих пор остается предметом дискуссии (маниакально-депрессивный психоз или приступообразная шизофрения, на первых стадиях протекающая в форме аффективных приступов)».

И далее авторы продолжают: «Даже при отсутствии истории болезни и компетентного врачебного описания из потрясающих по наблюдательности и художественной точности самоописаний (Гоголем) явно следующее: “Гоголь страдал аффективно-бредовым психозом с кататоническими симптомами и приступообразным циркулярным течением”». В пользу рецидивирующей циркулярной шизофрении, по мнению авторов, «говорят бредовые и кататонические проявления во время приступа, изменение личности, утрата творческой свободы и того легкого, жизнерадостного, искрящегося веселья и юмора, которым Гоголь владел до начала болезни… Все это позволяет говорить о том, что у больного в ходе болезни нарастали шизофренические изменения, выходящие за рамки только ослабления или одряхления, которые, иногда, наблюдаются у больных циркулярным психозом в более пожилом возрасте». Профессор Мелехов и авторы вышеуказанной книги посчитали неприемлемыми те лечебные мероприятия, которые проводили врачи у постели Гоголя: «При отказе от пищи и прогрессирующем истощении врачи применяли с лечебной целью пиявки, кровопускания, мушки, рвотные средства вместо укрепляющего лечения и искусственного питания… Болезнь и смерть Гоголя – типичный случай, когда врачи еще не умели распознавать это заболевание, которое еще не было описано в медицинской литературе»[43].

Сейчас, с высоты XXI века, было бы смелым обвинять врачей середины XIX века в некомпетентности в отношении установления диагноза. Была некомпетентна в те годы сама психиатрия, а лечившие Гоголя врачи к тому же не были психиатрами. В отношении лечения Гоголя они применяли те средства, которые были им доступны, их считали чуть ли не панацеей. Хотя для Гоголя, находившегося в крайнем физическом истощении, они были противопоказаны, о чем писали Тарасенков, Баженов, Чиж и другие авторы.

Болезнь, которой страдал Гоголь, была коварна тем, что поражала самые тонкие структуры мозга, труднодоступные для изучения. На основании описанных выше психических расстройств можно сделать определенный вывод. Душевная болезнь Гоголя протекала приступами. Проявления ее постепенно усложнялись от приступа к приступу: сначала были детские страхи и кратковременная заторможенность, затем депрессии с ипохондрическими проявлениями, сенестопатиями, сменявшиеся гипоманиями или маниями. С годами депрессии становятся более глубокими, доходившими до раптуса и суицидальных тенденций, появляются бредовые идеи религиозного содержания, зрительные

и слуховые галлюцинации. Нарастало изменение личности – манерность, вычурность, элементы резонерства в письмах к друзьям, эмоциональная холодность, падение творчества, углубление кататонических проявлений, перешедших в глубокий ступор, приведший к полному отказу от еды и смерти от последствий длительного голодания.

Такой представляется картина развития душевной болезни Гоголя, погубившей великого русского писателя. В 50–60-х годах XX века (через 100 лет после смерти Гоголя) больных с кататоническим ступором было немало в психиатрических больницах (сейчас их практически нет в связи с применением новых психотропных средств). По выходе из ступора больные обычно подробно рассказывали о том, что происходило вокруг, т. е. нарушения памяти у них не отмечалось. То же самое было и у Гоголя, по описанию врача Тарасенкова. Не было у него и глубокого помрачения сознания.

Таким образом, на основании вышеописанной клинической картины можно сделать вывод, что Гоголь страдал тяжелым душевным недугом в форме шубообразной (приступообразно-прогредиентной) шизофрении.

Течение болезни у Гоголя соответствует описанию этой формы шизофрении профессорами – психиатрами Р. А. Наджаровым и А. Б. Смулевичем. Они писали в 1983 году: «При шубообразной шизофрении приступы всегда включают в себя аффективные компоненты – депрессивные и маниакальные. Эта форма, отличающаяся полиморфизмом как самих приступов, так и межприступных состояний, довольно трудна для классификации».

В середине XIX века названия «шизофрения» еще не было, болезнь описывали под другими наименованиями. Психиатры Преображенской психиатрической больницы при существующем в тот период уровне развития психиатрии не смогли бы поставить безусловную преграду неумолимому течению тяжелого душевного расстройства и предотвратить разрушающие последствия патологического процесса. Но, как уже указывалось выше, сумели бы правильно оценить психическое состояние Гоголя, назначить адекватную терапию и применить искусственное кормление, которое, несомненно, спасло бы Гоголя от голодной смерти.

После кончины Гоголя И. С. Тургенев писал Полине Виардо: «Нас поразило великое несчастие. Гоголь умер в Москве… предав все сожжению – второй том “Мертвых душ”, множество оконченных и начатых вещей… Нет русского, сердца которого не обливалось бы кровью в эту минуту. Для нас он был более, чем

только писатель…»

Заключение

Гоголь жил в эпоху, когда психиатрия, как наука, находилась на низком уровне развития. В России она только зарождалась. Многие явления жизни, в том числе и психические заболевания, были еще окутаны мраком таинственности. Не все психические расстройства были облечены в нозологическую форму, и даже не были описаны их клинические проявления. В Москве не было ни психиатрической клиники, ни кафедры психиатрии. Не знали причины многих психических расстройств и способов их лечения.

В тот период времени (середина XIX века) низкий уровень развития психиатрии не позволял полностью излечить болезнь Гоголя, но вывести его из болезненного приступа и предотвратить голодную смерть было по силам психиатрам, работавшим тогда в Преображенской психиатрической больнице. Они, несомненно, разобрались бы в состоянии его здоровья и оказали необходимую и посильную по тем временам психиатрическую помощь. Но, как уже указывалось выше, их не было у постели погибавшего писателя.

Несмотря на тяжелое расстройство психики, творческий путь Гоголя – это путь великого человека, одаренного от природы литературным талантом, который особенно ярко проявлялся в периоды подъема настроения (маниакального и гипоманиакального состояний). Уникальность личности Гоголя в том, что, несмотря на тяжелое психическое заболевание, а может быть в некоторой степени и благодаря ему, он создавал высокохудожественные произведения. Его литературное дарование казалось почти сверхъестественным, он превзошел многих писателей того времени. Поразительная наблюдательность Гоголя помогала ему замечать пороки человеческого общества и его несовершенство. Его имя стоит в одном ряду с именами крупных писателей мира.

Никем и никогда не употребляемые обороты изумляли своей новизной и оригинальностью, неповторимой прелестью. Их цитировали и продолжают цитировать до сих пор. Многие выражения стали общеупотребительными. Он достиг той высоты в своем творчестве, о которой мечтал с детства. Гоголь как художник слова, обладавший аналитическим умом и способностью точно выражать свои мысли, дал верное, почти классическое, описание своих ощущений в периоды приступов душевного страдания. Из-за скрытности характера он не все переживания афишировал. Он умел не показывать перед людьми своих болезненных расстройств. Только в последние годы жизни

болезнь отразилась на его поведении, на его творчестве, на внешнем облике, на изменении образа мыслей. Отказ от своего творчества есть продукт его душевного состояния. Обвинения Гоголя в отступлении от истины, от художественной правды – это, в сущности, обвинения в адрес его душевной болезни, которую в последние годы жизни он уже не мог преодолевать силой воли.

Удары судьбы не щадили его гений, и он сам не щадил свой мозг и огромным усилием воли заставлял его работать свыше возможных пределов, что под силу только сильным творческим личностям. Чрезмерная умственная работа, необыкновенная преданность творчеству обернулись для него тяжелой расплатой – расстройством умственного здоровья, к чему имел наследственное предрасположение.

Душевная болезнь, а вернее, одно из ее проявлений (мания), способствовала расцвету его врожденного таланта. Она же (в форме кататонии) омрачила последние годы его жизни и свела преждевременно в могилу. На его памятнике удивительные по точности и по силе эмоционального воздействия слова: «Горьким словом моим посмеюся».

Время уходит в бесконечность неслышной поступью, а голос Гоголя до сих пор волнует читателей и сам он, как художник слова, продолжает сиять нам с недосягаемой высоты своего творчества, своего духовного величия, своего гения и своего беспримерного жизненного подвига. Творения Гоголя бессмертны, как бессмертна его страждущая душа.

Юмор Гоголя

Аксаков писал: «Шутки Гоголя так забавны и оригинальны, что неудержимый смех одолевал всех, кто его слушал».

Кулиш описал один забавный случай. Во Франкфурте Гоголь увидел у Жуковского карманные часы с золотой цепочкой. «Ах, часы Жуковского! Никогда с ними не расстанусь!» – воскликнул Гоголь и положил их в свой карман. А Жуковский был восхищен проказливостью Гоголя.

Приятельница Гоголя Александра Осиповна Смирнова однажды сказала: «Я не могу вспомнить, когда мы с вами познакомились». Гоголь ответил: «Значит, мы всегда были знакомы».

Один гимназист, обидевшись за что-то на Гоголя, отказался играть роль в любительском спектакле. Гоголь, сделал вид, что ужасно рассердился и вызвал его на дуэль, подав пистолеты без курков. Тот рассмеялся и отменил свое решение.

И. Золотусский описал такой забавный случай. Во время урока истории в гимназии Гоголь отвлекся рисованием какой-то картины. Преподаватель заметил, прервал свой рассказ и спросил: «Господин Гоголь-Яновский, что было после смерти Александра Македонского?» Гоголь живо вскочил и незамедлительно выпалил: «Похороны!» Его ответ ученики встретили взрывом хохота.

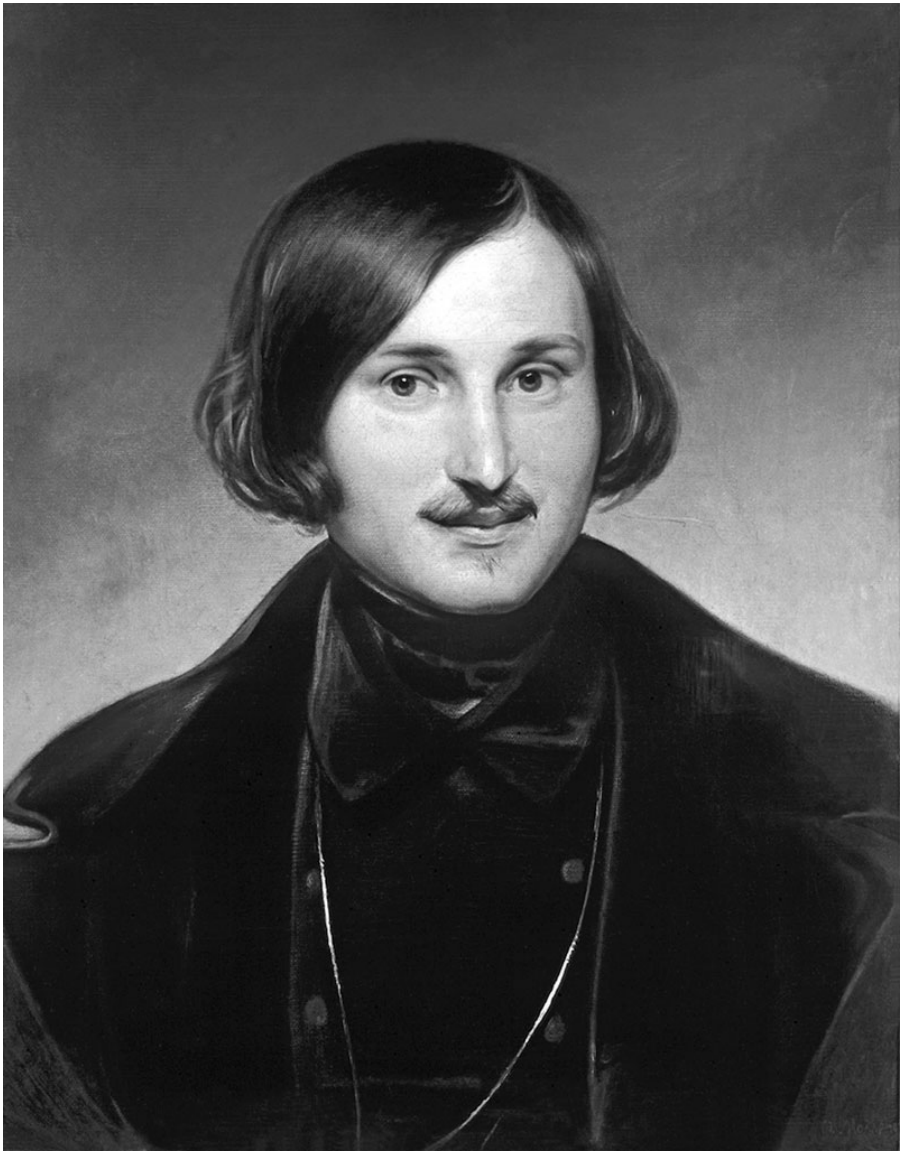
Однажды Гоголь, будучи в Риме, со своими приятелями Чижовым и художником Ивановым посетил больного Языкова, который лежал в постели. Гоголь тоже лег на диван и молча лежал полчаса, другие тоже молча сидели у постели Языкова. Наконец Гоголь поднялся и сказал: «Не пора ли нам закончить нашу шумную беседу и разойтись? С нас можно сделать этюд воинов, спящих при гробе Господнем».

В 1849 году один государственный чиновник, увидев на одном вечере среди гостей Гоголя, сказал ему: «Мне кажется, нам не случалось сталкиваться с вами». Гоголь немедленно отреагировал репликой: «Может быть, это было к счастью, так как я человек больной и слабый и всякое столкновение с вами могло быть губительным для меня».

Список литературы

1. Белинский В. Г. Письма к Гоголю. СПб, 1906.
2. Боткин М. П. Воспоминания. СПб, 1880.
3. Вересаев В. В. Гоголь в жизни. М-Л., 1933.
4. Воспоминания комнатного надзирателя. ОР РГБ, фиша 233, карт. 4, ед. 1.
5. Галецкий Ю. А. Гоголь. Биографическая повесть. М., 1954.
6. Гиппиус В. В. Гоголь в письмах и воспоминаниях. М., 1931.
7. Гоголь Н. В. в воспоминаниях современников. М.,1952.
8. Гоголь Н. В. Письма к Жуковскому. ОР РГБ, фиша 104, к. 6, ед. 23.
9. Гоголь Н. В. ОР РГБ, ф.74. к. 4, ед. 28.
10. Гоголь Н. В. Последние слова. ОР РГБ, ф. 74, к. 6, ед.10.
11. Гоголь Н. В. Избрание в почетные члены Московского университета. ЦИАМ, ф. 418, оп. 14, ед. 70.
12. Гоголь Н. В. Письма к Смирновой А. О. ОР РГБ, ф. 474, к. 4, ед. 57–60.
13. Дурилин С. Н. Из семейной хроники Гоголя. М., 1928.
14. Евлахов А. Тайна гения Гоголя. Варшава, 1916.
15. Ермилов В. К. Н. В. Гоголь. М., 1953.
16. Завещание Гоголя. ОР РГБ. Ф. 746, к. 5, ед. 43.
17. Кирпичников А. И. Сомнения и противоречия в биографии Гоголя. В. 1, СПб, 1900.
18. Козман М. С. Шутки и остроты Гоголя. Одесса, 1902.
19. Коллаш В. В. Гоголь Н. В. в воспоминаниях современников. М., 1909.
20. Кулиш П. А. Опыт биографии Гоголя. СПб, 1854.
21. Линниченко И. А. Душевная драма Гоголя. Одесса, 1902.
22. Тарасенков А. Т. Последние дни жизни Гоголя. М., 1853.
23. Чиж В. Ф. Болезнь Гоголя. СПб, 1903.
24. Шенрок В. М. Материалы для биографии Гоголя. Т. 1–4, М., 1892–1897.

Фотографии



Ф. А. Моллер. Портрет писателя Н. В. Гоголя.

Мария Ивановна Гоголь-Яновская, урожденная Косяровская, мать писателя (1791–1868).

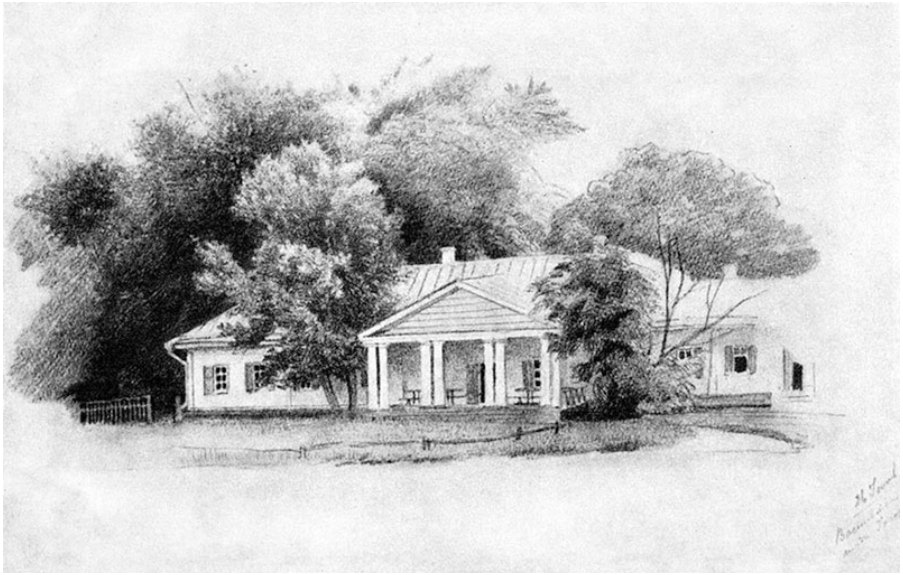
По отзывам современников, Мария Ивановна была весьма хороша собой. В семье было 11 детей, Николай Гоголь был третьим ребёнком.

Василий Гоголь-Яновский, отец писателя (1777–1825).

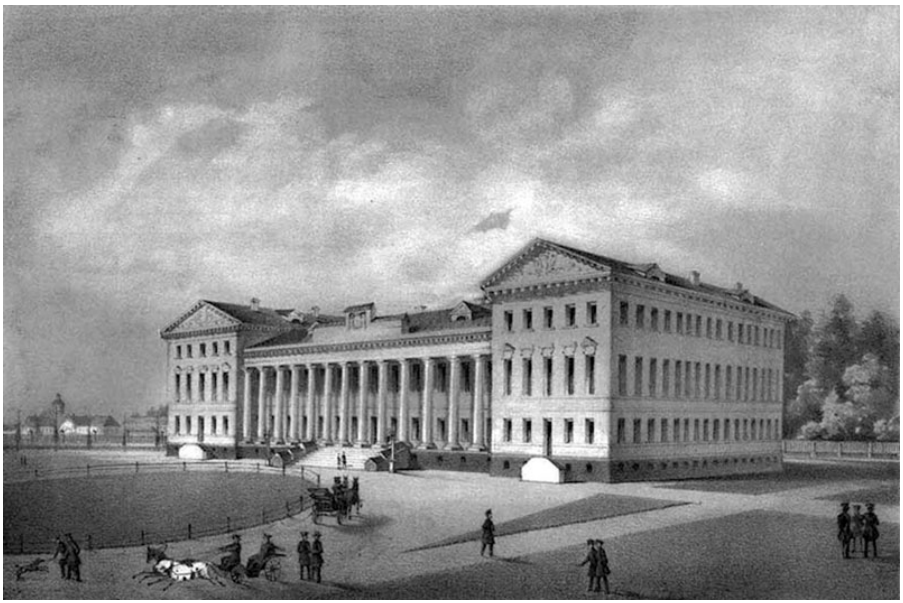
Выпускник Полтавской семинарии, всю жизнь писал стихи, прозу, занимался постановками спектаклей.

Василий Афанасьевич умер, когда сыну Николаю было 15 лет.

Герб рода Гоголь-Яновских.



Детство Гоголя прошло в родовом поместье Яновских – Васильевке.



Николай Гоголь учился в Нежинской гимназии высших наук, здесь в январе 1824 г. он активно участвовал в постановке спектаклей.

В 1909 году, к 100-летию со дня его рождения, здесь был открыт музей писателя, а на фасаде здания установлена мемориальная доска со словами: «Здесь учился Гоголь с мая 1821 по июнь 1828 г.».

«Сорочинская ярмарка» – самая колоритная ярмарка Малороссии, вдохновлявшая Н. В. Гоголя. Украинское село Великие Сорочинцы (Большие Сорочинцы) на Полтавщине с XIX века славится как место проведения пышных ярмарок.

Сценка из малороссийской жизни.
Дореволюционная открытка.

Николай Васильевич Гоголь читает своим друзьям.

Н. В. Гоголь (справа четвёртый в верхнем ряду) среди русских художников в Риме (1845).

Фото С. Л. Львова-Левицкого.

Памятник Н. В. Гоголю в Москве. Фото 1954 г.

notes

Примечания

1

Ломброзо Ч. Гениальность и помешательство. М., 1933, с. 16.

2

Колупаев Г. П., Клюжев В. М., Лакосина Н. Д., Журавлев Г. П. Экспедиция в гениальность. М., 1999, с. 13–14.

3

Ломброзо Ч. Гениальность и помешательство. М., 1933, с. 51.

4

Чиж В. Ф. Болезнь Н. В. Гоголя. СПб, 1903, с. 17–18.

5

Колупаев Г. П., Клюжев В. М., Лакосина Н. Д., Журавлев Г. П. Экспедиция в гениальность. М., 1999, с. 12.

6

Воспоминания Ольги Васильевны Гоголь (Головня).

7

Анненский А. Н. Н. В. Гоголь, его жизнь и литературная деятельность. СПб, 1894, с. 5.

Там же, с. 6.

Шенрок В. М. Материалы к биографии Н.В. Гоголя, т. 1. М., 1892.

10

Вересаев В. В. Гоголь в жизни. М-Л., 1933, с. 26.

11

Анненский А.Н. Н. В. Гоголь, его жизнь и литературная деятельность. СПб, 1894, с. 6.

12

Смирнова О. Воспоминания о Гоголе. Отдел рукописей РГБ ф. 474, к. 2, ед. 3, 1877.

Кулиш П. А. Опыт биографии Гоголя. – СПб, 1854.

Любич-Романович И. В. Воспоминания. Ист. Вестн., 1902, № 7.

15

Там же.

16

Анненский А. Н. Н. В. Гоголь, его жизнь и литературная деятельность. СПб, 1894, с. 6.

17

Вересаев В. В. Гоголь в жизни, М., 1933, с. 42.

Любич-Романович И. В. Воспоминания. Историч. Вестник, 1902, № 7, с. 3.

19

Отдел рукописей РГБ. Воспоминания воспитателя из Нежинской гимназии, ОР РГБ. Ф. 233, к. 2, ед. 4.

Вересаев В. В. Гоголь в жизни, М., 1933, с. 42.

21

Арсеньев П. А. Слово живое и неживое. Историч. Вестник, 1887, № 3, с. 570.

Любич-Романович И. В. Воспоминания. Историч. Вестник, 1902, февраль.

23

Чиж В. Ф. Болезнь Н. В. Гоголя. СПб, 1903, с. 71.

24

Иваницкий Н. И. Воспоминания. Отеч. зап. 1853, № 2, с. 119.

25

Колмаков Н. М. Воспоминания. Рус. старина, 1891, май, с. 135.

Тиганов А. С. Синдром Кандинского-Клерамбо. Кн. «Психиатрия. Национальное руководство», М., 2009, с. 324.

27

Снежневский А. В. Руководство по психиатрии, т.1, М., 1983, с. 24.

28

Снежневский А. В. Руководство по психиатрии, т.1, М., 1983, с. 47.

29

Снежневский А. В. Руководство по психиатрии, т.1, М., 1983, с. 45.

30

ЦИАМ, ф. 418, оп. 14, с. 70. Избрание Гоголя в почетные члены Московского университета.

31

Выбранные места из переписки с друзьями. СПб, 1900, с. 7–8.

32

Отдел рукописей РГБ ф. 746 к.5, ед. 43. Завещание Гоголя.

Вересаев В. В. Гоголь в жизни. М.-Л., 1933, с. 328.

Вересаев В. В. Гоголь в жизни. М.-Л., 1933, с. 394.

35

Данилевский Г. П. Воспоминания о Гоголе. Историч. Вестник, 1886, № 12, с. 476.

Баженов Н. Н. Болезнь и смерть Гоголя. М., 1902, с. 28.

Баженов Н. Н. Болезнь и смерть Гоголя. М., 1902. с. 28.

38

Там же.

Чиж В. Ф. Болезнь Н. В. Гоголя. СПб, 1903, с. 7.

Шенрок В. М. Материалы к биографии Гоголя. М., 1897, т. 4, с. 3.

41

Тарасенков А. Т. Последние дни жизни Гоголя. М., 1852, с. 4.

Молохов А. Н. Клиника шизофрении. Кишинев, 1967.

Колупаев Г. П., Клюжев В. М., Лакосина Н. Д., Журавлев Г. П. Экспедиция в гениальность. М., 1999, с.с. 398, 400.